

ИСТОРИЯ ВСЕЛЕННЫХ

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ТИБЕРИАНЕЦ

Экспансия. История Вселенных

Андрей Ливадный
Тиберианец

«Автор»

2019

Ливадный А. Л.

Тиберианец / А. Л. Ливадный — «Автор», 2019 — (Экспансия. История Вселенных)

...Глеба мутило. Мысли путались. Он снова перехватил взгляд Насти, но прочел в нем лишь глубочайший, отталкивающий ужас, – она видела, как он использовал аспирианские шунты. В душе что-то надломилось. Пришла сухая, отчетливая мысль: «назад мне теперь хода нет. Добрые дела никогда не остаются безнаказанными». Стало горько. Очень горько, обидно и одиноко. – Свидимся... – он отпустил ее взгляд, закинул за спину «АРГ-8» и, не оглядываясь пошел по древней логрианской дороге, мимо разорванных тел ашангов, подбитой бионической машины, навстречу одиночеству, неизвестности, судьбе...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Львович Ливадный

Тиберианец

Пролог

Старый тиберианец жил отшельником, в избушке на краю леса.

В поселке его не привечали и побаивались, перешептывались за спиной, когда он приходил, но, случись беда, тут же забывали про страхи, бежали к нему за помощью. Такова уж натура человеческая.

Глеб познакомился со стариком случайно. Стояло раннее летнее утро. Сегодня вместе с родителями и другими сельчанами мальчишка отправился на дальний сенокос.

Телеги тащили мурглы. Добродушные великаны хорошо знали дорогу, понукать их не требовалось. Взрослые все больше молчали, настроение витало какое-то нервное, напряженное. Иногда завязывались разговоры о каком-то «смещении», но семилетний мальчишка не понимал смысла коротких фраз, в которых сквозил безотчетный страх:

– Да ничего не случится, не бойсь! В прошлый раз по домам просидели, только время потеряли.

– Ага, отколь тебе знать? Испокон века в этот день по подвалам прятались!

– Эй, а ты календарь-то хоть ведешь? Двенадцать годков зарубки делаешь?

– Не-а.

– Ну вот и не баламуть народ! Может этот день и не сегодня вовсе! А сено само себя не перевероршит! И в копны не соберется!

Глеб особо не вслушивался. Взрослые всегда о чем-нибудь спорят.

Вскоре проселок свернул к лесу. Трава здесь особенная, говорят: «земная». Домашняя скотина с нее не болеет.

Рассвет полыхал над Первым Миром слоистыми фиолетовыми полосами. В небе виднелись планеты Ожерелья, они изгибались дугой, словно огромные бусины.

Взрослые притихли. Телеги, скрипя деревянными колесами, втянулись в улочку меж заросших руин. Неподалеку на холме виднелись грубо обтесанные каменные столбы, образующие круг.

– Видишь, у мегалитов-то тихо! – хриплым шепотом сказал кто-то.

– Да уж лучше помолчи, а то накличешь! – цыкнули на разговорчивого сельчанина соседи.

Глеб вертел головой, недоумевая, чего так боятся взрослые?

– Ну, все, кажись пронесло.

Вскоре телеги миновали руины и выехали к лугам. Невдалеке молчаливой стеной темнел лес. Скошенная накануне трава лежала длинными полосами, их нужно перевероршить, чтобы сохла.

Поросшую мхом избушку, приютившуюся под сенью крайних деревьев, мальчишка приметил сразу. Там наверное и живет старый тиберианец?

Глебу очень захотелось поближе взглянуть на жилище отшельника и он улизнул при первой же возможности, когда родители вместе с другими сельчанами принялись за работу.

День обещал быть жарким. Повсюду роилась мошкара.

На поляне подле замшелого сруба жилистый старик колот дрова.

Некоторое время Глеб наблюдал за ним, таясь в высоком травостое.

– Ну, чего прячешься? Подойди, не бойся.

Глеб поначалу оробел, но детское любопытство все же пересилило. Ух, сколько тут было интересного! Под кособоким навесом стояла огромная металлическая повозка с высокими бортами и крышей. Ее широкие ребристые колеса раза в два превышали рост мальчугана. Он даже голову задрал, разглядывая комья глины, прилипшие к покрытому шрамами корпусу.

– Она ездит? – неподдельно удивился Глеб.

– А то, – добродушно усмехнулся старик. – Но редко, – тут же добавил он. – Только когда очень нужно.

– Почему?

– Сложно объяснить. Не поймешь, мал еще. Ну, давай знакомиться? Меня Урманом зовут.

– А я – Глеб!

– Вот и хорошо. Взрослые тебя не заругают?

– Не-а. До обеда не хватятся.

Взгляд мальчишки с интересом перескакивал с одного на другое. Ух ты!.. – он даже невольно вздрогнул, разглядев в таинственном лесном сумраке силуэт огромного металлического чудовища, притаившегося за домом, под плотным пологом сомкнувшихся над ним крон.

Первое впечатление оказалось настолько сильным, что он, даже не спросив разрешения, пошел туда.

Ничего подобного Глеб раньше не видел. Две мощные металлические ноги поддерживали массивный обтекаемый корпус, сплошь покрытый рубцами и подпалинами, словно этот механический зверь побывал в жесточайших схватках и вот, обессиленный, затаился в тени деревьев.

«FALANGER 12UN», – мальчишка с трудом различил полустертые буквы.

– Так ты и читать умеешь? – раздался за спиной удивленный голос тиберианца.

Глеб вздрогнул, обернулся.

– Мама научила. А кто это? Почему он здесь прячется?

– Это называется «серв-машина». «Фалангер» – мой старый друг. Только вот беда, – сломался, – добавил Урман. – Хочешь орехов с медом? – предложил он, отвлекая мальчишку от сложной и непонятной для его возраста темы.

Ну кто ж от лакомства откажется?

– Конечно, хочу... Вот только друзья такими не бывают! Он же не живой!

– Еще как бывают, – вздохнул старик. – Но ничего. Когда-нибудь отремонтирую...

Глеб тряхнул головой, решительно не соглашаясь. Мировоззрение мальчугана ограничивалось сельским укладом жизни. Конечно же он видел раскуроченные, вросшие в землю железяки в перелесках за околицей, но никогда не задумывался откуда они там взялись и почему не ржавеют? Их даже в кузнице не использовали.

– Дядя Сыть говорит: «что быльем поросло уж не вернется никогда».

– Сыть? Торгаш?

– Ага. А это что такое? – мальчишка разглядел странное, совсем не похожее на инструмент устройство, спрятанное у стены, за жердями.

– Не трогай. Это оружие.

– Оружие не такое! – вновь не поверил Глеб. – Лук, копье, нож, я всякое видел!

– Это автомат. «АРГ-8», – добавил старик совсем уж непонятное слово. – Ты лучше скажи, зачем сегодня на луга пришли?

– Сено ворошить, да копнать. А ты тоже боишься?

– Чего? – прищурился старик.

– Ну этого... смещения! – выпалил Глеб услышанное от взрослых слово.

– Опасаюсь. Надо было вам дома остаться...

– А что такое смещение? – любознательный мальчуган вслед за тиберианцем вошел в дом.

Тут было множество всяких диковин. Даже стол выглядел непривычно. Не из досок сколочен, а словно вырезан из чего-то цельного.

Глеб взобрался в высокое кресло, уселся, болтая ногами, удивляясь про себя, зачем на подлокотнике столько квадратиков с непонятными буквами?

На столе, кроме разных незнакомых предметов лежала книга, открытая на середине. Сразу видно – старинная.

– Можно?

– Смотри, конечно, – старик достал из шкафчика горшочек с медом и миску с орехами. – Сейчас чай заварю, подожди.

Книга оказалась толстой, увесистой, Глеб закрыл ее и, шевеля губами, медленно, по слогам прочел название:

«Наставление по боевой подготовке тиберианцев. Основной курс».

– Так что такое «смещение»? – переспросил он.

Урман, заваривая чай, ответил:

– Боюсь, не поймешь.

– Я уже не маленький! – обиделся Глеб, разглядывая картинки в старой книге. Они показались неинтересными. Какие-то схемы, наброски устройств, да и слова незнакомые...

– Есть такие существа – логриане, – тиберианец поставил на стол две чашки. – Они-то и создали наш мир, очень-очень давно.

– А зачем, если сами тут не живут? Дед Митя говорит: логриан придумали.

– Ничего не придумали. Жили они тут очень давно. А систему нашу создали, чтобы путешествовать к другим мирам. Ну типа пересадочной станции. Каждые двенадцать лет, все планеты Ожерелья начинают поворачиваться, и тогда открываются межзвездные маршруты...

– Враки. Звезд не бывает, – уверенно заявил мальчишка.

– На самом деле звезды существуют, – старик сел за стол, налил чай. – Только они не в нашем пространстве. Ты пей, пока не остыл.

Глеб попробовал. Горячо, но вкусно. Пахнет травами.

– Значит сегодня всякие чудища из порталов ползут? – жуя орехи, беспечно спросил мальчуган.

– Они не чудища. Просто – чужие. Мы их не понимаем, а они нас. И не факт, что будет Смещение. Много лет назад случился сбой, и в прошлый раз гравитационный генератор не сработал, – старик задумался, забыв, что разговаривает с мальчонкой.

– Грави... что?

– Ну, говорю же, не поймешь. Ты лучше чай пей. А потом я тебя к родителям отведу, – Урман почему-то забеспокоился, словно почувствовал неладное, встал, подошел к стене сруба, где крепились металлические полосы, сплошь усеянные огоньками. Там вздрагивали стрелки и световые столбики, изламывались цветные линии, появлялись и исчезали какие-то слова.

Разговор угас. Глеб наворачивал орехи, пил чай, а старый тиберианец к своей кружке даже не притронулся, так и простоял, глядя на светящиеся квадратики, затем сказал:

– Уходить вам надо. Пошли, я тебя к родителям отведу!

Мальчишка не решился спорить.

– Ладно. А можно я еще когда-нибудь приду?

– Конечно. Но сейчас поторопись!

Они вышли на улицу, и в этот миг земля вдруг ощутимо дрогнула.

– Живо в убежище! – старик схватил свое странное оружие. – Беги в дом, там большая железная дверь в полу откроется! Полежай вниз, сиди тихо, ничего не бойся!

Глеб хотел послушаться, но оцепенел, не в силах даже шелохнуться.

Небо внезапно померкло стремительным закатом, затрепетала листва, в лесу взвыло зверье.

– Смещение! Все же началось! – старый тиберианец тоже едва устоял на ногах. – Планеты меняют наклон оси! – выдохнул он. – Да беги же в убежище, скорее!

– А мама? Папа? – всхлипнул Глеб, затравленно озираясь. Вокруг стемнело, хотя еще нет и полудня.

Дрожь земли прокатилась судорогой, с корнем выворачивая вековые деревья.

– Я их найду!

Над холмом, среди древних мегалитов вдруг появилось холодное, неживое сияние. Мальчишка онемел от страха, но дальше стало только хуже. Точно такой же свет прорвался из-под земли, прямо в поле, недалеко от избушки отшельника.

Вздыбился дерн. Неведомая сила с оглушительным грохотом выдавила из недр заостренные кверху каменные столбы, – они тоже образовывали круг. Резко запахло гарью и озоном. Вдоль изувеченной земли прыснула ослепительная сетка, сотканная из молний, и вдруг в их ореоле начали появляться жуткие, обьятые призрачным сиянием фигуры каких-то существ.

Над головой раздался резкий металлический лязг, затем ударил ритмичный грохот, от которого вмиг заложило уши.

Все происходило быстро, непонятно, страшно, непоправимо.

Примятая трава занялась дымком, – в нее падали горячие гильзы.

– Беги!!! – вновь заорал тиберианец, и Глеба наконец проняло: он что есть сил припустил к избушке.

Глава 1

Первый Мир. Двенадцать лет спустя...

– Ну-ка взгляни, что там?

Глеб отложил книгу, схватил щуп. Досадно, когда мурглы начинают артачиться, почуяв пугающий запах металла.

Это поле никогда не возделывали. Здесь слишком много старого железа, но жизнь становится все труднее, земля вдали от деревни больше не плодоносит, вот и пришлось пахать целину за околицей.

Запряженные в плуг сгорбленные великаны тупо встали, нервно поглядывая по сторонам. Они подслеповаты, зато обладают огромной силой и непревзойденным обонянием. Такова природа планеты, откуда родом эти существа.

Ухватившись за край железки, Глеб с усилием выворотил ее и оттащил в сторону.

– Ну?

– Фрагмент обшивки.

– Тебе-то почему знать? – Скайл проводил его тяжелым взглядом. – Не умничай. Начитался книжек... До добра они не доведут... – дед ворчал и ворчал, пока Глеб успокаивал поденщиков (мурглы работали за еду, большего не требовали), жили в пещере у холма, но если испугаются – жди беды. Обычно добродушные, они иногда без видимого повода впадали в ярость, и тогда ущерба не миновать. Что-нибудь обязательно поломают, силы-то немерено.

Оттащив кусок обшивки к краю поля, он напоил и успокоил мурголов. Те примирительно рыкнули и потянули, лемех вновь начал резать податливую почву, оставляя ровную борозду.

Дед упрямылся, не сдаваясь возрасту, за плуг Глеба не пускал, а он и не настаивал. Стезя землепашца, если честно, не привлекала. Юность кипела в крови, требовала большего.

Книга, за чтение которой постоянно пенял дед, осталась единственной памятью о страшных событиях двенадцатилетней давности.

Старый тиберианец спас ему жизнь. В подвале его кособокой избушки оказалось оборудованное убежище, где мальчишка провел без малого две недели. Массивная дверь с лязгом закрылась за ним и больше уже не поддавалась никаким усилиям. Казалось, что открыть ее изнутри невозможно.

Он ел, пил, спал, прислушивался, злился, плакал, но ничего не мог поделать. В конце концов, мальчишка смирился, – коротал время за чтением книги, которую успел схватить со стола, прежде чем спуститься в подвал.

...Глеб не заметил, как глубоко задумался. Сидел, глядя вдаль, где у горизонта туманились дымкой горы.

– Скучаешь?

Юноша обернулся. Сыть. Торговец. Ногу он потерял при прошлом Смещении. Теперь ковыляет на деревяшке. Скарედный, глотка воды у него задаром не выпросишь.

– Тебе чего?

– Да спросить хотел, почему не заходишь?

– Некогда мне по округе шататься.

– То и гляжу, дед пашет, а ты в теньке?

– Да не пускает он меня за плуг. Говорит, борозду криво веду.

– Неправильно живем, – Сыть присел рядышком, вытянул здоровую ногу, поморщился. – Месяц до Смещения остался, а на всю деревню два ружьишка плохоньких. Как в Сумерках отбиваться, когда твари из порталов ползут?

– Порталы разрушились. Сам ведь знаешь.

– Неправда. Окрест есть еще три. Думаешь в этот раз не сработают?

Глеб насупился, отвечать не стал.

– От меня-то чего хочешь? – наконец спросил он.

– Ты молодой, сильный. Грамоту знаешь, в технологиях кое-как разбираешься. Тебе ли поля пахать? Сходил бы в Гиблый лес.

– Смерть искать? Беду кликать?

– Не смерть, а оружие, дурень, – проворчал Сыть. – Я тебе клочок карты дам. Там два места отмечены, где раньше были укрепления тиберианцев. Говорят, полегли они все. Но вещички-то остались, как думаешь? – спросил торговец. – Находки на еду поменяю. Хоть на зерно, хоть на вяленое мясо.

– Так в округе полно железа, – сдерживая неприязнь, ответил Глеб.

– Э, брат, ты не глупи, ладно? От старых железок толку мало. Керамлит в кузнице не скуешь, тугоплавкий слишком. Я о *настоящем* оружии говорю. Тиберианцы в нем толк знали. А если, по случаю, логр найдешь, так я его сразу выкуплю. Какую цену ни попросишь. Хочешь, дочку за тебя выдам?

Так вот в чем дело? Логр ему нужен?! Торговец еще тот пройдоха, вон глаза как заблестели.

– Настю?

– Ее, красавицу.

– На логр обменяешь? – Глеб недобро прищурился, кулаки сжались.

Сыть опасливо отодвинулся.

– Ну чего сразу так?

– Ничего, – Глеб сдержался, рассматривая карту. – К скалам схожу. И не надо Смещением народ пугать. Мертвые те порталы, сколько веков минуло, а не работают. В прошлый раз какая-то аномалия приключилась.

– Ага. Аномалия. Как же. Половина деревни сгнуло, – Сыть сплюнул. – Сам-то подумай, даже если мегалиты не сработают, разве зверье ополоумевшее из леса не побежит, а? Ты ведь много читал, знаешь, – в Сумерках все с ума сходят. Что люди, что звери, что твари инопланетные. Думаешь мурглы так и просидят в своей пещере под холмом? Или у них тоже крыша поедет? Молчишь? То-то же. Оружие нам нужно. Не косы да грабли, а настоящее оружие, каким тиберианцы пользовались.

– Ладо, не дави. Сказал схожу, значит схожу. Вот только о Насте не заикайся. Захочет, сама на меня взглянет.

Торговец промолчал. Свое дело он знал, парня обещанием зацепил, подзадорил, а выйдет ли толк, вернется ли тот живым, – время покажет. Когда всю жизнь чужими руками жар загребашь, невольно научишься терпению.

* * *

Ночью спалось плохо. Глеб ворочался с боку на бок, изредка проваливаясь в тяжелую дрему, а незадолго до рассвета не выдержал, встал, умылся и начал собираться в путь.

Сыть прав, как ни крути. Горстке людей не пережить грядущего Смещения. Надо отыскать огнестрельное оружие и патронов побольше, а еще лучше – безопасное место, где можно укрыться всей деревней.

Он вышел спозаранку, налегке. Брать в дорогу было нечего, жили бедно, едва перебиваясь от урожая к урожаю.

Почему так? Ответ прост. Когда в небе вместо солнца переливается сгусток энергий гиперкосмоса, растения ведут себя странно. Бывает зацветут, но не плодоносят, а то и вовсе зачахнут на корню без видимой причины, и потому упорный крестьянский труд далеко не всегда вознаграждался.

Проселок давно зарос. Им никто не пользовался, лишь старая колея, выбитая телегами, указывала направление.

Гиблый Лес темнел километрах в десяти. В последние годы туда вообще никто не ходил. Дураки да психи быстро перевелись. Раньше, еще при тиберианцах, опасных хищников здесь вообще не водилось, – их встречали в предгорьях и беспощадно отстреливали отряды специально обученных егерей, но теперь старые укрепления пустуют, а инопланетные твари свободно шатаются по окрестностям, нагоняя жуть на сельчан.

К холму, окруженному руинами, он добрался только после полудня.

Поваленные мегалиты темнели на желтоватых склонах. Их выворотило и опрокинуло. Земля окрест застыла пологими волнами, образующими множество концентрических окружностей.

Вспышка травматической памяти живо нарисовала совсем другой пейзаж: низкое багряное небо, сполохи молний, хлещущий по земле ливень.

Он помнил, как шел тут двенадцать лет назад, дрожа и всхлипывая, страхась увидеть мертвые тела, но жадная липкая грязь поглотила и людей и чужих.

Луга исчезли. Трава пожухла и больше не проросла. Лес выстоял, но стал другим: враждебным, полным неведомого людям зверья.

Избушка тиберианца раскатилась по бревнышку. Убежище, отлитое из неизвестного Глебу материала, угловато выступало из-под оползня. Керамлитовая дверь потемнела, изломанные приводы топорщились, словно металлические руки. Делянка исчезла, граница леса теперь проходила метрах в пятидесяти отсюда. Пропала и серв-машина, которую Урман называл «другом», – во время Смещения проливные дожди превратили глину в зыбь, и многотонный механизм скорее всего затонул в ней.

Бункер постигла не лучшая участь. Много лет назад, когда герметичная дверь открылась по таймеру, внутрь хлынули потоки липкой грязи, – Глеб тогда едва выбрался. Тут не осталось ничего полезного, исправного, лишь тяжелые воспоминания.

Он присел в тени. Десять километров по жаре отмахал, ноги гудят, живот сводит от голода. Съев кусок хлеба и запив скудный обед водой из фляги, Глеб сверился с фрагментом карты. До старого блокпоста, отмеченного маркером, еще километров восемь, – это если напрямую через чащу. Он никогда не заходил так далеко от дома. Название местности – «Белые скалы», слышал вскользь от стариков, но сейчас не мог припомнить о чем в точности шла речь.

Лес возвышался немой стеной. Во время прошлого Смещения здесь погибло множество вековых деревьев, – большинство из них увяли, но не рухнули, стоят до сих пор, удерживаемые почерневшими корнями, роняя отслаивающуюся кору, образуя мрачную чащобу, где нашли приют таинственные твари с других планет. Как они выглядят, Глеб не знал. Ни один охотник не вернулся, чтобы рассказать.

* * *

Ступив под сень крайних деревьев, он замер, настороженно прислушиваясь. Легкий ветерок поскрипывал почерневшими ветвями. Звуки мертвого леса окатили холодком, мурашки пробежали по коже. Сыть, зараза, сидит сейчас дома, чай попивает.

Повсюду на ветвях сизыми пятнами разросся лишайник. Цепкие неприхотливые вьюнки карабкались по мертвым стволам погибших деревьев, слегка оттеняя их зеленью. Вдоль земли стелился колючий кустарниковый подлесок.

Присмотревшись, Глеб заметил молодую поросль волчьей нити, – так в просторечье называли плотоядную траву, способную захлестнуть петлями лапу некрупного зверя, опутать и держать, пока добыча не издохнет. Места успешной охоты растения несложно отличить по густым сочным зарослям, да белеющим костям.

Волчью нить тиберианцы часто высаживали в поле перед укреплениями. Об этом прямо написано в наставлении:

«...семена волчьей нити следует собрать и хранить в прохладном, темном и сухом месте, предупреждая их спорадическое прорастание. Сеять целесообразно на открытой местности перед тактическими укреплениями, бастионами и блокпостами, но не ранее чем за месяц до Смещения. Трава хорошо приживается даже на бедных каменистых почвах и, достигнув двадцати-тридцати сантиметров в высоту, способна в период Сумерек остановить мелких и средних хищников, что ведет к существенной экономии боеприпасов.

Примечание: после завершения Смещения посевы волчьей нити следует сжечь, оставив лишь контролируемые образцы для получения семян...»

Каждая строка старой книги, – словно экскурс в иную жизнь, где люди не боялись окружающего мира. Вот бы вернуть те времена...

Он продолжал осматриваться. Через поросль хищной травы идти опасно. Но она повсюду!

Как же быть?

В памяти вновь всплыли скупые, но емкие по смыслу формулировки, в которых угадывался опыт выживания многих поколений:

...оказавшись в незнакомом лесу держись звериных троп. Они огибают опасные растения и часто выводят к местам водопоя. Русло ручья или небольшая речушка послужат тебе надежной дорогой сквозь любую чащу.

Взгляд отыскал прореху в кустарнике. Судя по всему зверь тут прошел матерый, клочки свалывшейся коричневой шерсти запутались в колючках на высоте метра от земли. Значит в холке он метра полтора будет?

Страшно вообще-то, но не поворачивать же обратно?

Нет. Ни за что! – он обогнул прогалину, заросшую волчьей нитью, и углубился в сумеречную чащу.

Зловещие поскрипывающие звуки теперь раздавались отовсюду, преследовали по пятам, белесые нити какого-то растения, похожие на седые волосы, свисали с нижних ветвей деревьев, норовя прикоснуться к лицу, колючки цеплялись за одежду, изредка слышался чей-то рык, но вдалеке.

Звериная тропа некоторое время вела в нужном ему направлении, затем вдруг круто повернула, огибая странную замшелую скалу.

«Слишком она ровная», – промелькнула мысль.

Глеб остановился, переводя дух. Сумрак дремучего леса стал еще гуще, наверное, дневной свет веками не пробивался сюда. Где-то поблизости журчал родник. Удивительно, но деревья окрест не погибли.

Пахло прелой листвой.

Пройдя еще немного, он заметил за плотной стеной кустарника нечто, напоминающее вход в пещеру. Здравый смысл подсказывал: «вернись на тропу», но проснувшийся интерес быстро пересилил доводы рассудка.

Глеб кое-как продрался сквозь заросли и внезапно оказался в непонятном, удивительном месте.

Вход в «пещеру» оказался арочным проемом, сложенным из идеально подогнанных друг к другу каменных блоков.

Под ногами упруго проминался ковер опавшей листвы. Журчание воды стало отчетливее. Частично обвалившийся свод когда-то имел полусферическую форму. Удивляла монументальность постройки и безупречная техника ее исполнения. Наверное тысячи искусных каменотесов должны трудиться годами, не покладая рук, чтобы возвести такое здание. Но кто его построил и для чего?

Ответ он нашел у дальней стены помещения, там где валялось несколько расколотых гранитных блоков.

Родник бил из скалы. Что удивительно, известняковый выступ не срезали при строительстве, а лишь обрамили в мрамор, – получилось несколько небольших террас, по которым, журча, стекала вода, собираясь в неглубоком округлом бассейне.

Из-за обилия влаги повсюду рос мох. Осматриваясь, Глеб заметил, что очертания природной драпировки кое-где принимают формы гуманоидных фигур. Заинтересовавшись, он содрал пласт мха, с удивлением обнаружив под ним хорошо сохранившийся барельеф.

В камне была высечена пустыня. Описание и зарисовки песчаных барханов он не раз встречал в книге поэтому легко узнал их. Недоумение и даже легкое замешательство вызвали изображения необычайно высоких людей, идущих к затерянному в песках куполообразному зданию. Резчик по камню с удивительной достоверностью передал подробности. На следующем барельефе усталые путники уже находились внутри здания, и Глеб со всей очевидностью узнал постройку, где находился сейчас. Даже выступ скалы (из которого бил источник), имел идентичную форму.

Но что же получается? Раньше, – тысячи лет назад, – здесь была пустыня? И какие-то существа, в общих чертах похожие на людей, возвели здание, защищающее драгоценный источник воды?

Он напился, наполнил флягу, присел на мшистый бортик бассейна, позволив себе короткую передышку.

Невольно вспомнились заметки на полях книги, сделанные от руки. Маргиналии скорее всего принадлежали Урману и подвергали сомнению некоторые догматы тиберианцев.

«...Наши мир намного старше, чем можно вообразить, – писал он. – Из-за регулярных Смещений, его пленниками в разные периоды становились представители сотен, если не тысяч инопланетных цивилизаций. Я полностью согласен: свои земли нужно защищать, но мрачная, бесноватая ксенофобия совершенно не подходит для воспитания новых поколений, ведь Первый Мир, благодаря действующим и поныне логрианским технологиям, всегда будет представлять из себя пестрый конгломерат чуждых друг другу существ. Думаю, нужно наконец признать: не все ксеноморфы, пришедшие с Равнины Порталов, нам враги. Есть те, кто сам нуждается в помощи, действует скорее от отчаяния, чем в силу ненависти к людям, ведь они нас совершенно не знают, как и мы их. Отделяя зерна от плевел, мы получим не только союзников, но и доступ к уникальным инопланетным технологиям, которые можно использовать на общее благо...»

С точки зрения тиберианцев, слова написанные рукой Урману, – опаснейшая ересь, предательство, наказуемое смертью, но Глеба они заставили задуматься.

Может он прав?

Разве мурглы нам враги? Ну, да, иногда дурят, но по большому счету – безобидные и трудолюбивые существа, с которыми легко поладить.

Немного отдохнув, он внимательно обследовал зал.

Оказывается, под слоем мха скрывались не только барельефы. На полу белели кости животных, а вот похоже и зверь, проложивший тропу! – среди останков Глеб заметил фрагменты шкуры, покрытой коричневатой шерстью. Но кто убил опасного хищника?!

Подавив брезгливость, он палкой перевернул кости.

Под ноги неожиданно выкатился кусок черепа, похожего на человеческий. Он лежал глубже, словно зверь повалил несчастного на пол и пытался загрызть...

А это еще что?!

Он присел на корточки, разглядывая два странных устройства, похожие на слегка изогнутые прутья, покрытые стальной чешуей. Явно не останки, а какой-то технический артефакт! Не без внутреннего трепета Глеб подобрал один из них, попробовал согнуть, но встретил

упругое сопротивление. Непонятная вещица. Словно искусственно созданная змея с металлической чешуей, заостренным хвостом и цепкими захватом вместо головы. Ничего подобного он раньше не видел.

А вот браслет, блеснувший среди костей, – это определенно кибстек! Значит погибший и в самом деле был человеком!

О прошлом Глеб знал мало. Байки стариков особого доверия не внушали. Наставление по подготовке тиберианцев содержало много полезной для выживания информации, но истории касалось скупое, вскользь, проповедуя ксенофобию, которую как раз и критиковал Урман в своих заметках.

Кем же был загадочный путник? И как совладал со зверем? Среди останков не нашлось оружия. Не кулаками же он забил ксеноморфа?!

Озадаченный, Глеб вернулся к роднику, присел на замшелый бортик подле источника. Он рос крепким парнем, но дальние пешие переходы требовали особой закалки организма. Впрочем, молодость компенсирует многое. Чтобы восстановить силы в его возрасте достаточно короткой передышки.

Разные мысли теснились в голове, не давая покоя.

Затерянная в лесу постройка задела воображение даже сильнее, чем человеческие останки и найденные среди них технические артефакты. От кибстека толку точно не будет. Всем известно, что в Первом Мире кибернетические устройства постоянно сбоят. Использовать их можно только глубокой ночью, когда сгусток энергий гиперкосмоса, освещающий и согревающий планету, уйдет за горизонт. Тогда его излучение становится слабее, и некоторые вещицы можно попытаться включить.

Металлические «змеи» вообще внушали опасение. Выбросить – жалко. Таскать с собой стремно и неудобно, – в котомку они не поместились. Куда же их приладить?

Выход нашелся. С собой у него была бечевка и Глеб примотал находки к левой руке, закрепив их от запястья до локтя.

Ладно, еще немного посижу, и дальше в путь. Надо искать ручей, он обязательно должен быть где-то поблизости. Тропой теперь можно пользоваться, особо не опасаясь, ведь проложивший ее зверь издох. То-то она и показалась слишком узкой, уже почти заросшей.

Взгляд снова остановился на барельефном изображении. Трудно представить, что когда-то тут простиралась пустыня. Кругом, куда ни пойдешь, одни загадки. Еще мальчишкой он задавался невольными вопросами, а что за руины высятся по обе стороны проселка, кто возвел мегалиты, куда подевались все тиберианцы?

Но, как оказалось, это лишь верхний пласт новейшей истории. А если копнуть глубже? Сколько цивилизаций сменили друг друга на просторах затерянной в недрах гиперкосмоса планеты? Например мифические логриане, существовали ли они вообще?

Говорят, что логры – крошечные кристаллы, оставшиеся после строителей межзвездного транспортного узла, способны дать бессмертие любому существу, кто поймет, как правильно их использовать. Вот почему глаза торговца так жадно блеснули.

Подобные мысли всегда будоражили воображение Глеба. Молодой, энергичный, любознательный, он хотел бы стать исследователем, открывать удивительные тайны прошлого, путешествовать, но увы, – тяжелый крестьянский труд, постоянная забота о хлебе насущном, позволяли лишь мечтать, да совершать короткие рискованные вылазки, обычно в межсезонье, когда работы на полях было мало.

Тихое журчание воды и сумрак воздействовали успокаивающе. Глеб сам не заметил, как задремал.

* * *

Проснулся он от холодного прикосновения и резкой боли в запястье.

Вскрикнув, Глеб вскочил на ноги, еще не понимая, что происходит, попытался схватить самодельное копье, но руки не слушались, их словно зажали в тиски. По телу струился пот, пахло чем-то чуждым, неприятным.

Из котомки вдруг раздалось однотонное настойчивое попискивание.

Сумрак древней постройки стал плотнее. Фрайг, как страшно... Он чувствовал прикосновение чего-то обжигающе холодного. Два артефакта «ожили», стали длиннее и тоньше, словно настоящие змеи с металлической чешуей. Разорванная бечевка валялась на полу.

Глеб не знал, что делать. Он замер, выпучив глаза, пребывая в шоке. Металлизированные устройства обвивали обе его руки, а их давление постепенно ослабевало.

Боль отступила. Резко и неприятно кружилась голова. Писк не утихал. Преодолевая ужас, Глеб взглянул на свои руки.

Тускло поблескивающие «змеи» глубоко вонзились в его запястья!

«Они выпьют мою кровь?!» – паническая мысль глухо билась в ритме учатившегося пульса, но шли секунды, а ничего плохого не происходило.

Кое-как совладав с собой, Глеб дотянулся до котомки.

Писк издавал кибстек.

Кибернетическое устройство работало, неярко светился крошечный экран, на нем в такт звуковым сигналам мигала короткая надпись:

Биологические образцы получены. Метаболические шунты активированы. Результат анализа ДНК – положителен для текущих настроек. Нажмите «продолжить» для получения подробной информации.

...

Глеб, все еще пребывая в состоянии шока, надел браслет и коснулся сенсора. А что еще оставалось делать?

Кибстек сжался, автоматически подгоняя размер под нового владельца.

Несколько лучиков вырвались из него, сформировав полупрозрачный голографический экран с изображением двух глянцевиных «змей».

...

Аспирианские метаболические шунты. Унифицированное устройство, обладающее высокой адаптивностью. Может использоваться в медицинских и боевых целях.

Подробнее смотри в разделе «классификация, технические характеристики и основы эксплуатации инопланетных устройств».

...

Глеб обессиленно присел на замшелый бортик.

Шунты больше не мешали двигаться, они как будто стали частью его тела! Но как от них избавиться? И почему активировался кибстек, ведь нанокомпы не работают в условиях Первого Мира! До заката еще несколько часов!

Скользнув взглядом по экрану, он наткнулся на короткую кликабельную фразу:

«Об устройстве».

Как нужно обращаться с кибстеком, Глеб знал из «наставления по подготовке тиберианцев». Там все объяснялось доходчиво. Коснувшись надписи, он тем самым открыл еще одно оперативное окно, в котором отобразилась информация:

Модель К-18-N, гражданский вариант сборки. Изготовлен на Элио. Адаптирован под условия Первого Мира. Последнее обновление 24 года назад. Для получения актуальной версии программного обеспечения обратитесь в технический отдел гарнизона Конфедерации Солнц.

* * *

Некоторое время Глеб сидел, обессиленно опираясь спиной о бортик бассейна. Его мутило от перенапряжения.

Две металлизированные «змеи» по-прежнему внушали ужас. Как избавиться от них? Распоясавшееся воображение рисовало жутковатые перспективы. О возвращении в поселок сейчас не могло быть и речи. Сельчане забьют прямо на улице, без жалости и сомнений. Вот почему старый тиберианец жил особняком.

Крестьяне, чья жизнь и без того трудна, никогда не привечали людей с непонятными способностями, вживленными устройствами и иными «апгрейдами». От них одни беды, – говаривал дед.

Но я же не виноват, – пытался мысленно успокоить себя Глеб, однако, не помогало. Холодное прикосновение инопланетных устройств воспринималось на уровне страха, порожденного невежеством.

Во времена тиберианцев на парня, владеющего аспирианскими шунтами, не обратили бы особого внимания. В ту пору артефакты активно использовались, в меру знаний и бесстрашия их обладателей.

Дрожь понемногу улеглась.

На самом деле психика Глеба исподволь была подготовлена к такого рода испытаниям. Сам того не подозревая, он обладал высокой моральной адаптивностью, и все благодаря книге, которую читал снова и снова. Сначала он просто хотел забыть страшные события, сделавшие его сиротой, затем, по мере взросления, все чаще и чаще пытался вообразить, какой была жизнь при тиберианцах? Он представлял мужественных и бесстрашных людей, владеющих могучими технологиями, читал описания устройств, которыми они пользовались, – до поры эти знания никак себя не проявляли, оставались не востребованы, но сегодня пригодились, помогли пережить минуты ужаса, не сойти с ума от страха, не броситься куда глаза глядят, навстречу верной гибели.

В поисках выхода, он принялся изучать кибстек, перебирая пункты меню, постепенно открывая для себя интерфейс устройства.

Его прежний владелец, судя по всему, был целителем. При помощи инопланетных артефактов он мог излечивать других людей, отдавая процессу часть собственных жизненных сил, а затем восполнять их, отлавливая в лесу мелких животных.

Описание процесса «восполнения» вновь окатило дрожью. Нет, нет, я точно так не смогу и не стану делать!.. – думалось Глебу. Высосать чью-то жизнь, ну уж нет...

Глаза слезились от непривычных усилий, но он продолжал изучать интерфейс, просматривал заметки, в надежде найти решение возникшей проблемы.

Наконец ему улыбнулась удача.

Перейдя в раздел «периферия», Глеб увидел стилизованное изображение шунтов и, подавив сомнения, коснулся иконки.

Запустилась какая-то программа. На некоторое время экран заполнили строки кода, затем появились три виртуальные кнопки и надпись под ними:

Процесс тестирования завершен. Модуль адаптации активен. Выберите желаемое действие:

Активация функции «исцеление».

Активация функции «восполнение».

Реконфигурация настроек для боевого применения.

Деактивация устройств.

...

Конечно же он выбрал последний пункт!

Стоило прикоснуться к голографической иконке и шунты немедленно отреагировали. Они соскользнули на пол, укоротились и свернулись кольцами.

Глеб посмотрел на свои запястья. Там не осталось никаких ранок, только две темные точки.

Капельки пота выступили на лбу. Он устал так, словно пробежал, не останавливаясь, километров десять. На самом деле испытание носило моральный характер, и он его выдержал.

Подобрав свернувшиеся в кольца шунты Глеб обернул их тряпицей и спрятал в котомку. Возможно, еще пригодятся.

* * *

Вскоре он покинул древнюю постройку, вновь отыскал звериную тропу и продолжил путь.

Характер растительности постепенно изменился. Все реже и реже попадались сухие погибшие деревья. Появились высокие травянистые растения с огромными листьями, образующие тенистое царство дикой природы, где причудливо смешалась флора и фауна многих планет.

Звериная тропа вывела юношу к ручью, который вскоре влился в небольшую речку. По ее берегам буйно разрослись высоченные хвощи, с подлеском из остролиста, – растения, похожего на осоку, но высотой в полтора-два метра.

Идти по берегу не получилось, жесткие листья с острыми как бритва краями образовывали непроходимые заросли. Пришлось шагать по мелководью.

К вечеру небо нахмурилось, подернулось облаками, начал накрапывать ленивый дождик, а вскоре ночь окутала землю моросящей мглой.

Глеб устал и продрог. Холодные воды речушки с шумом убегали вдаль, а он, заметив на берегу группу высоких деревьев, выбрался на сушу, цепляясь за их узловатые корни, и обессиленно присел, ощущая спиной морщинистую кору.

Вокруг постепенно закипала неведомая ему жизнь: сначала раздался отдаленный рык, затем прошелестела крыльями стайка каких-то летающих существ, и вдруг над самой головой раздался громкий, басовитый раскатистый клекот.

Апатию как рукой сняло. Он вскочил на ноги, озираясь, судорожно сжимая во вспотевших ладонях самодельное копьё, а напугавший его звук лишь множился, дробясь эхом.

Воображение моментально нарисовало огромную тварь, притаившуюся в кроне дерева. Сейчас спрыгнет прямо на голову, подомнет, вонзит клыки, и поминай как звали!..

Заточенный кусок металла, прикрученный к палке, уже не казался столь универсальным и грозным оружием, как хотелось бы. Это в полях, где цель видно за версту, Глеб ловко метал копьё в мелких грызунов, но обладатель такого голоса наверняка перекусит оружие, как зубочистку.

Надо уходить... Но куда?.. – мысли метались без толку, всю напускную храбрость, как ветром сдуло.

Вдоль реки, куда же еще?!

Ага. А вдруг там тоже ночные хищники?! И вообще, неизвестно, кто крадется сейчас к водопою под покровом тьмы?

Клекот над головой зазвучал снова, оглушительно, отчетливо.

В разрывах туч проглянула одна из планет Ожерелья, ее холодный отраженный свет пронзил крону, искрясь в каплях воды, покрывающих листву. К своему удивлению Глеб не заметил среди ветвей очертаний невиданной твари. Если верить глазам, там вообще никого не было!

Ну не грезится же мне этот жуткий клекот?!

Надо проверить. Набраться храбрости, иначе точно буду бегать с мокрыми штанами всю жизнь. Если нервишки, конечно, выдержат.

Мысль: лезть на дерево и проверять вздорные догадки, поначалу показалась суицидной, но затем в ней нашлось рациональное зерно. Если зверя там нет, смогу побороть страх и заодно найду пристанище на ночь!..

Как частенько поговаривал дед: «старость – не радость, но и молодость – не жизнь». Это он о безрассудных порывах, на которые мы частенько растрачиваем лучшие годы. Однако, храбрецам по первости везет. Глеб просто не мог и дальше стоять в оцепенении, – он безрассудно полез на дерево.

Клокот тем временем стал попросту оглушительным. Либо зверь обладает феноменальной мимикрией, либо...

Фрайг!.. Вот же он!..

От неожиданности Глеб едва не проткнул копьём маленькое притаившееся на развилке ветвей существо.

Присмотревшись, он разглядел древесную ящерицу, – та надувала два кожистых мешка, готовясь разразиться очередной «серенадой».

Сердце билось часто и неровно. Бешеный выброс адреналина стер накопившуюся за день усталость.

* * *

Всю ночь Глеб просидел на дереве, почти не сомкнув глаз.

Дождь то усиливался, то стихал, одежда промокла насквозь, от речушки поднимался туман, иногда во тьме слышались звуки отчаянной борьбы, раздавалось рычание.

Громко перекликались древесные ящерицы. Довольно часто до слуха долетал переливчатый вой, – он стелился по подлеску, нагоняя жуть. Иногда Глебу мерещилось сиреневое свечение: так (если верить рассказам) выглядят энергоматрицы недавно погибших существ, – к рассвету они исчезнут без следа, но ночью их следует опасаться.

Первый Мир, где он родился и вырос, полнился неразгаданными тайнами. От знаний, накопленных тиберианцами, остались лишь крохи, да и те постепенно обросли домыслами.

В точности Глеб знал лишь одно: три Смещения тому назад произошло нечто страшное. Практически все тиберианцы погибли, немногие человеческие города превратились в руины, уцелели лишь отдельные деревушки, а через несколько лет обрушилась новая беда: на равнину, издревле населенную людьми, вторглись фокарсиане.

Насекомоподобные существа мигрировали со стороны гор. Повсюду возникали их инкубаторы, где в осклизлых коконах созревали боевые и рабочие особи, но климат умеренных широт пришелся насекомым не по нутру. Наступила осень, и они вдруг начали гибнуть. Сезонное похолодание выдержали лишь ашанги – выносливые и безжалостные бойцы, однако, без рабочих они не смогли поддерживать жизненные потребности инкубаторов и в конце концов отступили.

С тех пор минуло много лет.

Книга, случайно попавшая в руки Глеба, перевернула его мировоззрение. Он получил представление о технологиях, как таковых, и потому не сошел с ума от страха, когда инопланетные метаболические имплантаты самопроизвольно подключились к его организму. Он смог использовать элементарные функции кибстека, о которых читал.

И все же будущее виделось туманным, размытым. Автоматическая штурмовая винтовка системы Ганса Гервета, горсть патронов к ней, – разве это может рассматриваться, как предел мечтаний или способ изменить жизнь к лучшему?..

Небо постепенно начало светлеть. Густой туман затопил окрестности. Голод и сырость донимали все сильнее. Глеб съел последний припасенный в дорогу кусочек хлеба и слез с дерева, разминая затекшие мышцы, затем проверил нанокомп. Несмотря на занимающийся рассвет, тот продолжал исправно работать, – устройство действительно оказалось надежно защищено от губительных воздействий гиперкосмоса.

К сожалению никаких навигационных данных в кибстеке не сохранилось. Текущее положение тоже не отображалось.

...

Потеряна связь со спутниками.

Используйте разведывательный зонд, либо включите беспроводное соединение с модулем СК¹, чтобы начать генерацию новой карты местности.

...

Делать нечего, ориентироваться придется по старинке, и Глеб развернул листок, полученный от торговца. Так, вот излучина, которую я прошел еще вчера, – он внимательно всматривался в потускневшие, а кое-где стершиеся на сгибах линии. По всему видно, что идти надо вдоль русла. Форпост тиберианцев располагался в нескольких километрах ниже по течению, там, где раньше проходила лесная дорога.

Проточная вода показалась обжигающе холодной. Неглубокая речушка, питаемая родниками, бежала по каменистому дну. Склоны промытого ею оврага густо оплетали корни растений. Над головой нависали кроны деревьев, влажный, таинственный сумрак мог в любую секунду обернуться смертельной опасностью, – ночные звуки ясно дали понять, что хищников тут хватает.

Вот недалеко плеснула вода. Глеб замер, вскинув самодельное копье. Зверь, величиной с собаку, охотился на кого-то в заводи. Его серая шерсть намокла, отчего незнакомая тварь выглядела похожей на облезлую крысу-переростка.

«Вряд ли решится напасть на меня», – мысленно рассудил он, вспомнив краткие заметки о повадках животных. Некрупные звери, если их специально не злить, обычно сторонятся всего незнакомого.

Так и есть. Заметив человека, ксеноморф затаился среди осклизлых корней, настороженно пригнувшись.

Глеб тоже не собирался нападать, хотя желудок моментально свело от голода.

Нет, употреблять в пищу мясо незнакомое существо, – вообще не вариант. Лучше даже не пробовать. Можно запросто отравиться.

Несмотря на доводы рассудка, чувство голода стало лишь острее, а рот вдруг наполнился слюной.

Да что происходит?!

Ткань котомки неожиданно шевельнулась. Внешние метаболические имплантаты проявили инициативу, скользнули, обвивая руки, но не впились в запястья, а лишь изогнулись острыми жалами в направлении потенциальной добычи, словно спрашивали: «позавтракаем»?

Фрайг... Этого еще не хватало... – Глеба взяла откровенная оторопь. В детстве дед Скайл часто пугал его сказками о технологических оборотнях, – людях, попавших под влияние чужих устройств, и уже не мыслящих себе жизни без них. Именно за это тиберианцев побаивались и недолюбливали. Они откровенно ненавидели чужих, безжалостно уничтожали их при любой возможности, но мрачная ксенофобия не мешала заимствовать достижения иных цивилизаций, проводить исследования и адаптировать артефакты других рас под собственные нужды.

¹ СК – сканирующий комплекс. Гражданский вариант. Существует его боевая модификация, исполненная в виде шлема с проекционным забралом (сокращенно БСК).

Метаболические шунты по-прежнему плотно обвивали руки, провожая плавным движением жал затаившуюся среди корней добычу. Каким-то образом они чувствовали голод своего нового обладателя.

Нет! – мысленно отрезал Глеб, страшась совершить роковой поступок, шагнуть за черту, откуда (в его понимании) уже нет возврата.

Надо выкинуть шунты, ну или хотя бы запаковать их понадежнее.

Устройства внезапно отреагировали, соскользнули к поясу, а оттуда назад, в котомку, свернулись кольцами и притихли, как ни в чем не бывало.

Капелька ледяного пота скользнула от виска к скуле. Глеб машинально смахнул ее, мельком заметив точечную искру индикации на кибстекке. Коснувшись сенсора он прочитал сообщение:

Рекомендуемая функция «восполнение».

Активировать/Отменить.

...

Он коснулся пиктограммы отмены.

Теперь понятно, как прошлый владелец аспирианских устройств смог убить напавшего на него зверя. Он просто высосал жизнь из хищника, но по роковому стечению обстоятельств этого оказалось недостаточно для исцеления полученных в борьбе смертельных ран.

Взяв себя в руки, усилием воли совладав с дрожью, Глеб поспешил убраться подальше от заводи. Он брел по скользким от водорослей камням, невольно вспоминая картину, которую Сыть хранил подальше от любопытных глаз в сундуке на складе. Однажды в детстве, играя с Настей, они забрались туда, назло запрету, и долго рассматривали старый холст. Неизвестный художник изобразил на нем битву тиберианцев с полчищами ксеноморфов. Больше всего мальчишке запомнились огромные шагающие машины, и еще неподвластная разумению ребенка сценка: тяжело раненный тиберианец лежит на земле, истекая кровью. Подле него склонился другой воин. Одной рукой он зажимает рану друга, а другой удерживает чужого.

Только сейчас Глеб понял смысл того эпизода, вспомнив, как жутко выглядел норлианский боец, – великан словно усох, экипировка болталась на нем, как на пугале, кожа прилипла к костям, а во взгляде уже не читалось жизни.

Второй тиберианец был лекарем и использовал аспирианские метаболические шунты, отнимая жизнь у врага и отдавая ее другу.

Смысл технологии не стал яснее, скорее она получила дополнительный оттенок неприятия.

Глебу еще предстояло сделать выбор. Побороть голод он смог. Но в жизни бывают и другие ситуации, не предполагающие компромиссов.

Впрочем сейчас он думал лишь о том, как побыстрее добраться до старого блокпоста.

Глава 2

Первый Мир. Окрестности укрепленного пункта тиберианцев...

Белые скалы он увидел издали.

Обветренные, изъеденные временем выступы известняка возвышались над лесом, давая путникам надежный ориентир.

Речушка стремилась туда же, но Глеб решил загодя выбраться на берег и не прогадал. Местность начала повышаться, появилось хвойное редколесье, из земли выступали камни, травянистые растения измельчали до привычного лугового разноцветья.

Близился знойный полдень. Сгусток энергий гиперкосмоса ярко сиял в безоблачном небе. В Первом Мире никогда не предскажешь, какая наступит погода. Бывает сиреневое светило взъерится, как сегодня, и тогда приходит неожиданная жара. После вчерашнего дождя, земля, все еще напитанная влагой, истекала полосами тумана, – они тянулись вверх и таяли, растворяясь в горячем воздухе.

Звук бегущей воды теперь долетал до слуха монотонным гулом.

Жарко... Одежда пропиталась потом. Идти в гору трудно, хоть уклон и не очень крутой.

Наконец Глеб добрался до ровной площадки. Деревья практически исчезли, лишь кое-где упрямые, выносливые сосны цеплялись корнями за трещины в камне, умудряясь прорасти даже на обрывистых склонах.

Отсюда открылся удивительный вид. Речушка разрезала надвое высокий, сложенный из известняковых пород холм, проточив в нем глубокое ущелье.

По обе стороны над обрывами возвышались укрепления. Серый, камуфлированный белесыми разводами бронепластик сливался с фоном скал, гораздо отчетливее, явственнее и массивнее выглядели более древние фортификационные сооружения – частично разрушенные башни, участки стен, ворота.

Наверняка господствующую над местностью высоту в разное время использовали в качестве опорного пункта представители многих цивилизаций. Среди луговых трав часто попадались кости животных, некоторые из них выглядели древними, окаменелыми.

Обращенные к равнинам склоны защищали мощные крепостные стены, сложенные (как и постройка в лесу) из огромных гранитных блоков. Кто их вырезал и как доставил сюда, оставалось лишь гадать.

Но даже гранит не выдержал бега времени, бесчисленных Смещений и штурмов. Осматриваясь, Глеб заметил несколько брешей и направился к ближайшей из них. Можно было, конечно, сделать крюк и войти через ворота, но вдруг они закрыты решеткой?

«Вот куда надо перебираться всей деревней», – думал он, но тут же вступал в спор с незримым, живущим внутри оппонентом, – «нет, земля тут для пахоты негодная, камни да глина, что на ней вырастет»?

Непонятно, почему древний форпост, больше похожий на крепость, которую постоянно достраивали, покинут?

Хотя, откуда мне знать, пустует ли он?

Вскрабавшись по осыпи гранитных обломков, он оказался у подножия стены.

Когда-то она была абсолютно гладкой, кое-где еще сохранились участки первоначальной кладки, – они выглядели глянцевитыми, без видимых стыков между многотонными блоками, но большая часть поверхности хранила следы былого, – их пронизывали трещины, покрывали глубокие выбоины и мелкие выщерблины, кое-где виднелись подпалины, имеющие вид окружностей, с лучиками копоты по краям.

Миновав пролом, Глеб оказался во внутреннем дворе. Здесь между каменных плит пробивалась пожухлая трава, под ногами похрустывал хитин. Наверное сотни фокарсиан нашли тут свою смерть, пытаюсь прорваться внутрь?

Но они все же одержали верх, об этом свидетельствовал инкубатор, выращенный между двумя бастионами, в тени нависающей скалы, куда даже в полдень не попадали палящие лучи.

Фокарсианская постройка выглядела мумифицированной. Легкий ветерок лениво шевелил обрывки высохшей кожи, – в прошлом каркас из хитиновых ребер покрывала плоть.

Глеб не стал тут задерживаться, направился к внутренним воротам. Их опускающаяся решетка топорщилась разогнутыми в разные стороны ржавыми прутьями. За арочным проемом начинался так называемый «каменный мешок», – узкая дорога, зажатая меж высоких стен, ведущая к следующему уровню укреплений.

Под ногами по-прежнему проминался хитин. Останки фокарсианских бойцов давно истлели, их панцири стали пустотелыми, утратили прочность.

* * *

На площадке бастиона, пристроенного к основной стене, ветер ощущался сильнее. Камни источали жар. По периметру темнели керамлитовые ложементы электромагнитных орудий, – видимо во время штурма тиберианцы опустили стволы зенитных «ЭМГов» на прямую наводку, и держались, пока не закончился боекомплект. На земле валялись тусклые россыпи разряженных энергоблоков, сорванные взрывами защитные кожухи, почерневшие стержни от сменных кассетных ускорителей, фрагменты боевой экипировки, а неподалеку из-под груды камней виднелась часть сервоприводного экзоскелета.

Глеб присел в тени, сделал несколько жадных глотков воды из фляги. Жара... Терпкий запах цветущих трав плывет в знойном воздухе. Вокруг ни души. Останки давно истлели, но ворошить их в поисках оружия и патронов не поднималась рука. Тиберианцы стояли тут насмерть, бились до последнего, и, вероятно, кому-то из них Глеб обязан фактом своего рождения, ведь орды насекомых так и не добрались до их деревушки, а она всего лишь в двадцати километрах отсюда.

«Здесь обязательно должны быть казематы, в них и поищу», – мысленно рассудил он, заметив сорванную с креплений металлическую дверь и посеченный осколками, обрамленный следами копоты проем, ведущий в недра укреплений.

Сжимая в руках копьё, юноша пересек площадку, брезгливым движением древка откинул наслоения хитиновых панцирей, преградивших путь, и оказался в коридоре трапезиевидного сечения. Тут царил густой сумрак. Проникающего снаружи света едва хватило, чтобы разглядеть провисшие связки кабелей, проложенные под потолком. Пластиковая облицовка стен превратилась в щепу и густо укрывала пол. Обнажившуюся кладку посекло пулями.

Идти впотьмах, на ощупь не хотелось. Страшно, да заблудиться недолго. Факел смастерить не из чего.

Глеб коснулся сенсора на кибстеке. Заряд накопителя надо экономить, но иного варианта он не нашел. Из нанокомпа вырвался расширяющийся лучик, сформировал голографический планшет. Голубоватый призрачный свет озарил древние стены.

Коридор вел вниз с небольшим уклоном. Буквально через пять-шесть шагов он обнаружил массивные прикрытые ворота, подле них серва, с оторванными взрывом манипуляторами, а чуть глубже – автоматический пункт боепитания, – так гласил сохранившийся указатель.

К сожалению обширная комната не принесла никаких полезных находок. От пола до потолка высились стеллажи, выполненные в виде сот, но все они пустовали, и Глеб вернулся в основной тоннель.

Метров через десять из тьмы внезапно выдавило очертания человеческой фигуры. Сердце невольно екнуло, замерло. Присмотревшись, он понял: перед ним погибший тиберианец, облаченный в тяжелый бронескафандр. Вокруг высились груды хитина. Судя по разбитому забралу гермошлема, фокарсианам, после многих захлебнувшихся атак, пришлось воспользоваться трофейным оружием, – смоченные токсином иглы из бионических автоматов не способны пробить тяжелую броню.

Боец так и остался стоять, преграждая путь, и Глебу поневоле пришлось протискиваться в небольшой зазор между массивной бронированной фигурой и стеной. Призрачный свет, исходяемый кибстеком, озарил лицо погибшего.

Плоть усохла и сморщилась. В пустой глазнице застрял осколок разбитого взрывом проекционного забрала. Жутковатые черты мумии обрамляли длинные волосы, – здесь приняла последний бой девушка-тиберианка. Едва ли она была намного старше Глеба.

Так и происходит внезапный слом мировоззрения, когда слухи, предания вдруг материализуются, обретают черты имевших место событий, куда вплетены оборванные, непржитые судьбы...

Он был потрясен до глубин души. Долго не мог отдышаться, унять бешеное биение сердца. Соприкосновение с прошлым оставило глубокий, неизгладимый отпечаток в его рассудке.

Битва у Белых Скал сегодня вновь была вписана в анналы Первого Мира, ведь наша история жива, пока о событиях знает и помнит хотя бы один человек...

* * *

Тоннель вел все глубже и глубже. Наземная часть укреплений оказалась лишь вершиной айсберга, но ожесточенный бой отгремел и тут. Фокарсианские бойцы тщательно зачистили огромный разветвленный бункер, – на всем протяжении пути Глебу по-прежнему встречались останки людей и ашангов.

Экран кибстека постепенно начал тускнеть, давая все меньше света, – источник питания стремительно разряжался.

Заметив шахту неработающего гравифлифта Глеб отыскал техническую лесенку, которой пользовались для обслуживания кольцевых эмиттеров, и полез вниз.

Горизонт подземелий, где он оказался, вероятно был самым нижним, построенным незадолго до загадочных событий, изменивших ход истории Первого Мира. Здесь сохранилось много оборудования, а следы боя носили очаговый характер.

Внезапно, уже почти потеряв надежду отыскать нетронутые склады или казармы, он заметил неяркое свечение и решительно свернул в тоннель, ведущий к проблеску света.

Теперь он шагал по коридору, где сохранилась облицовка и читались указатели:

«Кибернетический центр».

«Узел внепространственной связи».

«Склады РТВ²».

«Комнаты офицерского состава».

«Резервная силовая установка».

Слабое сияние исходило из помещения узла внепространственной связи.

Бронированные створки сдвижных дверей оказались приоткрыты. Глеб боком пролез в зазор между ними и невольно замер, потрясенно осматриваясь.

Большинство аппаратуры все еще работало. На консолях тлели огоньки индикации, чуть выше, проецируясь на стены, сияли голографические мониторы. На одном отображалась струк-

² РТВ – робототехнические вооружения.

тура системы Ожерелье, второй рябил множеством наложенных друг на друга оперативных окон с сообщениями об ошибках и сбоях. Наиболее часто повторяющиеся надписи гласили:

«Внимание, связь со станциями гиперсферных частот потеряна».

«Зафиксированы гравитационные искажения Вертикалей».

«Задействован режим Изоляции³. Отмена невозможна».

На третьем мониторе тревожно и настойчиво мигало сообщение:

«Получен входящий гиперсферный вызов.»

«Источник данных – двенадцатый энергоуровень гиперкосмоса».

Чуть ниже прокручивался искаженный помехами фрагмент видеозаписи:

У Глеба перехватило дыхание. Он словно оказался в рубке истребителя класса «Фантом», очертания которой были ему знакомы по схемам из книги.

– Герда тяни... Тяни к посадочной палубе... Прикрываю...

Снарядные трассы брызнули по курсу.

– Снял инфрайт с твоего хвоста!.. Тяни!.. Не теряй сознание!..

Судя по динамике изображения, «Фантом» отработал маневровыми двигателями. На миг появилась панорама газопылевой туманности, на фоне которой дрейфовало множество обломков различных космических кораблей, и очертания громадного крейсера. Его броня зияла бесчисленными пробоинами, кое-где начисто отсутствовали секции надстроек, обнажая ребра силового каркаса, но несмотря на ужасающие, тотальные повреждения Глеб все равно узнал контур, который сотни раз видел на рисунках в книге.

Это был крейсер «Тень Земли». Легендарный, окутанный зловещим ореолом тайн, базовый корабль тиберианцев!..

Но где же он находится, и с кем вступил в неравную схватку?

К сожалению повторяющийся фрагмент записи не давал ответ ни на один из вопросов.

* * *

В недрах Белых Скал, на нижнем горизонте тиберианского бункера Глеб провел двое суток.

Одно за другим он исследовал помещения, расположенные неподалеку от центра связи. Чаще всего взгляду открывались совершенно непонятные отсеки, с установленным в них обессточенным оборудованием. Он больше не находил мертвых тел или подбитых сервов. Складывалось впечатление, что основные схватки вспыхивали на поверхности, среди внешних укреплений, а подземное убежище постепенно пустело, по мере того, как силы защитников таяли.

В конце концов фокарсиане прорвались и сюда, уничтожили нескольких выживших, взломали все двери, собрали трофейное оружие, нарушили энергопитание, но почему-то не тронули блоки кибернетических систем, – возможно, надеялись вернуться позже и во всем разобраться, или сделали ставку на особей, которых выращивали в том инкубаторе, наверху?

Так или иначе, но сюда больше никто не вернулся. Затянувшаяся осада Белых Скал задержала фокарсиан почти до осени, а дальше события приняли известный Глебу оборот: рабочие особи начали гибнуть с наступлением резкого сезонного похолодания, и обескровленные орды захватчиков отступили.

Бункер, обещавший множество тайн и находок, на поверку оказался давно заброшенным и разграбленным. Глеб мыслил достаточно узко, он искал ручное стрелковое оружие, патроны и экипировку, необходимые для выживания в период грядущего Смещения, но все это стало добычей фокарсиан, которые охотно использовали трофеи.

³ Подробнее в романах «Запрещенный контакт», «Изоляция».

На самом деле юноша бродил меж бесценных кладезей информации, но понятия не имел, как ими воспользоваться?

Гражданский кибстек, найденный в Гиблом Лесу, он чаще использовал в качестве примитивного фонарика, чем по прямому предназначению. На поверку, его знания оказались скудны, обрывочны, – нужно родиться и вырасти в окружении техносферы, чтобы интуитивно понимать ее. Он мог бы задержаться тут на год или два, изучая различные руководства по эксплуатации, но не факт, что преуспел бы.

Наконец, после долгих поисков ему улыбнулась удача.

Склады РТВ вскрыть не удалось даже фокарсианам, а вот дальше, если пройти мимо огромных, плотно запертых модульных ворот, попадешь в ремонтные мастерские.

Войдя в подземный ангар, разделенный невысокими перегородками на отдельные секции, Глеб сразу же наткнулся на нечто любопытное. В захватах технического обслуживания застыл наполовину разобранный бронескафандр, рядом на верстаках были аккуратно разложены разобранные системы вооружений.

Неслабо. Жаль, что не смогу починить и носить, – подумал он, направляясь к следующей секции мастерской.

Здесь когда-то хозяйничал робот. Огромный, оснащенный десятками гибких рук-манипуляторов, он крепился к монорельсу, проходящему над всеми отсеками. Сейчас серв был отключен, – футуристические очертания универсального ремонтного механизма терялись во тьме.

Он подошел к сборочным столам, на которых оказались аккуратно разложены детали от нескольких ручных стрелковых комплексов!

Фокарсиане на запчасти не позарились, отдельные компоненты не представляли для них ценности, зато Глеб мог с легкостью собрать из них рабочий образец, ведь целый раздел «Наставления по боевой подготовке тиберианцев» был посвящен устройству «АРГ-8»⁴ – легендарной колониальной модели оружия системы Ганса Гервета и ее различным модификациям!

В тусклом свете кибстека он увлеченно принялся за работу. Одна за другой детали вставали на свои места, пока в руках юноши не оказался полностью исправный стрелковый комплекс, оснащенный оптическим прицелом, гасителями отдачи, баллистическим вычислителем и подствольным гранатометом. Не хватало только боезапаса и элементов питания для механизмов автоматической перезарядки и встроенных электронных подсистем, относящихся к наиболее поздним усовершенствованиям.

Без электроники, как-нибудь обойдусь, даже надежнее будет, – подумал он, соображая, где же разжиться патронами?

Интересно, а собранное оружие проходило проверку? Есть ли тут стрельбище, или хотя бы контрольный стенд для испытаний?

Как оказалось, мыслил он правильно. Ремонтная мастерская оказалась единственным не разграбленным помещением уровня. Фокарсиане просто не поняли, для чего предназначены хранящиеся тут запасные части?

Глеб переходил от отсека к отсеку, повсюду находя бесценные предметы. Например он поднял валяющийся на полу невзрачный цилиндр с характерной маркировкой. Им оказалась автоматическая полевая аптечка. Устройство еще сохранило небольшой заряд энергии в накопителе, и он прицепил его на пояс.

⁴ Automatic Rimp-Gervet – штурмовая винтовка системы Ганса Гервета, массово производимая на заводах корпорации «Римп-кибертроник» в период «Великого Исхода». Отлично зарекомендовала себя в условиях неосвоенных планет, на протяжении тысячелетий (в разных модификациях) являлась основным стрелковым вооружением колонистов.

Вскоре, благодаря заученным еще в детстве изображениям и схемам, Глебу удалось собрать легкий комплект композитной брони, – удобный, не стесняющий движений, весящий всего семь килограмм, но дающий отличную защиту!

Не хватало только шлема со встроенным боевым сканирующим комплексом, – отыскать его так и не удалось. Не нашлось в наличии и микроядерных батарей, видимо их запас был полностью исчерпан за время длительной осады.

Наверняка недостающие компоненты есть на складах РТВ, но открыть массивные ворота смогут разве что мурглы. Надо будет вернуться с ними, попробовать. И вообще, на время Смещения неплохо бы укрыться тут всей деревней. Белые Скалы доказали свою надежность, устояв во время прошлых подвижек планеты, осад и штурмов.

Размышляя, он добрался до дальней части ангара, где обнаружил стрельбище. К его разочарованию боекомплекты уже кто-то забрал, остались лишь пустые короба, вскрытые цинки, да разряженные магазины.

И что же теперь делать?

Взгляд упал на механическую систему, выступающую из пола. Посветив вокруг, он заметил еще несколько таких-же подающих механизмов, на каждом из стрелковых рубежей.

Боевые эскалаторы, не иначе? – промелькнула догадка. – Выходит, под полом расположены артпогреба?

Давно остановленные механизмы не сразу поддались усилиям Глеба, но он упорствовал, при помощи самодельного рычага пытаясь провернуть шестерни.

Наконец раздался протяжный скрип, ячеистая лента дрогнула, продвинулась, подавая наверх запечатанный кофр.

Вскрыв его, Глеб обнаружил несколько отделений с разными видами боеприпасов. Десять снаряженных магазинов он сразу же рассовал по подсумкам, затем зарядил стрелковый комплекс и, затаив дыхание, плавно выжал спуск.

Вспышка одиночного выстрела вспорола сумрак. Грохот метнулся гулким эхом. Пуля взвизгнула, уйдя в рикошет. Палец Глеба толкнул вариатор темпа стрельбы в следующее положение. Прогремела короткая очередь в три патрона. Дальше сработал отсекагель.

Когда стих гул обветшалых металлоконструкций, он решил больше не испытывать судьбу, стреляя во мрак. Соизмерив вес оружия, экипировки и боезапаса со своими силами, он взял еще несколько гранат для подствольника и три герметично запаенные пачки патронов, чтобы было чем снаряжать магазины. Остальное надо будет поднимать наверх, а потом вывозить на телеге. Или вообще, уговорю деревенских перебраться сюда. Неужели пригодной для пахоты земли в округе не найдем? Ведь укрепления Белых Скал (если отремонтировать ворота, да при помощи мурглов завалить брешь в стенах), дадут защиту от любых известных опасностей!

* * *

Назад, в родную деревню Глеб возвращался в приподнятом настроении, чувствуя себя настоящим героем.

Шагалось легко, несмотря на вес оружия и экипировки. Находки придавали уверенности, теперь постоять за себя, отбиться от хищников – не проблема, но главное, Глеб соприкоснулся с историей, смог воочию убедиться, что процветающая человеческая цивилизация Первого Мира, отнюдь не миф. Она действительно существовала и ее основу составляли тиберианцы.

Вот бы возродить былое, снова овладеть технологиями, – думалось ему.

Мечты юноши заходили далеко. Он дерзко думал о лучшей доле. Мы отыщем старые книги, попытаемся отремонтировать хотя бы несколько сервов, и тогда все изменится.

Машины – отличное подспорье в любом деле, они смогут восстановить другие механизмы и древняя цитадель воспрянет из забвения, снова станет неприступным оплотом...

Фрагмент видеозаписи, что прокручивали резервные системы узла связи, тоже зацепил воображение, но Глеб откровенно не понимал, где искать легендарный крейсер тиберианцев, и возможен ли такой поиск в принципе?

В конце концов его мысли возвращались к делам насущным. Грядущее Смещение. Вот о чем в действительности надо беспокоиться.

Радовало еще одно наблюдение: Гиблый Лес не оправдал своего зловещего названия. Во время пути Глеб слышал голоса различных обитающих в чаще тварей, видел останки различных животных, но так и не столкнулся ни с одним из опасных ксеноморфов. Скорее всего за двенадцать лет большинство инопланетных существ, вырвавшихся из древних порталов, подошли, не сумев выжить в новых для себя условиях.

На второй день незадолго до полудня он вышел к перелеску на краю заброшенных, заросших бурьяном полей, откуда уже видна околица родной деревни и сразу же почувствовал неладное: ветер вдруг донес запах тлена.

«Собака, что ли, сдохла? Так почему не уберут? Трупы на такой жаре разлагаются быстро, могут стать источником заразы, это ведь любой знает!»

Он невольно прибавил шаг, затем побежал напрямик через поле.

Запах стал резче, превратился в смрад, а через несколько минут Глеб увидел туши мертвых мурголов.

– Где ж ты был?! – от крайнего дома к нему, прихрамывая, ковылял Сыть.

Подбородок торговца дрожал, под покрасневшими глазами набрякли мешки.

– Что случилось?!

– Фокарсиане... Настю увели!.. – Сыть заревел в голос, некрасиво, как баба.

– А дед Скайл?! – сердце оборвалось.

– Убили его, – всхлипывал торговец. – Кто резко рукой взмахнул, – сразу в расход. Чужих жизней не жалеют и не считают... Они народ со всех окрестных деревень согнали...

– Куда их повели?!

– Да к горам, известно же!

– По старой логрианской дороге?

Сыть лишь судорожно кивнул, не в силах говорить.

– Я догоню!

– Убьют... – безнадежно выдавил торговец.

– Посмотрим, – Глеб с трудом задавил эмоции. – Когда это случилось? – хрипло переспросил он.

– Вчера поутру...

Самообладания надолго не хватило. Рассудок все же помутился. Фокарсиане? В голове не укладывается. Сколько лет о них не слышали! Почему явились?..

– Зачем им пленные?

– Откуда ж мне знать?! Настя, кровиночка... – причитал торговец, но Глеб его уже не слушал. Преодолев смятение, поняв, что зря теряет время, он развернулся и побежал по опустевшей улице к противоположной околице, за которой вдалеке туманились очертания гор.

* * *

Древняя логрианская дорога начиналась в паре километров к югу от деревни и вела через скалистые пустоши, вдоль давних тектонических разломов, в направлении хребта, за которым, как поговаривали, простирается Равнина Порталов, – самое опасное и жуткое место на планете.

Бег быстро выжигал силы, и Глебу часто приходилось переходить на шаг, чтобы восстановить сбившееся дыхание.

Нагоню. Непременно нагоню!.. – мысль билась в висках в такт пульсации крови.

Жара все никак не спадала. Черные, выпирающие из-под земли плиты, покрытые загадочными коническими выемками, не сохранили следов, вокруг простирались изрезанные глубокими трещинами пустоши, часто попадались скалы, – в период одного из Смещений здесь произошли серьезные тектонические сдвиги, образовав вздыбленный ландшафт, – точнее не скажешь.

Горячий ветер нес частицы пыли. Ох как пригодился бы сейчас боевой шлем с системами фильтрации воздуха, но увы, Глеб не нашел в бункере Белых Скал ничего подходящего, а снять недостающий элемент экипировки с трупов не решился, о чем уже не раз пожалел.

И все же в душе теплилась упрямая надежда. Тревога и злость подпитывали ее. Пленники на такой жаре наверняка едва передвигают ноги. К закату точно нагоню!..

О старой логрианской дороге ходили зловещие слухи. Над пустошами часто бушевали сухие грозы, из разломов время от времени прорывалось пламя недр, происходили подземные толчки, с грохотом оседали скалы, но природные катаклизмы никогда не затрагивали вереницу черных плит. Дорога вела себя будто живая, подстраивалась под изменчивый рельеф, некоторые ее участки без видимой опоры парили над пропастью, образуя мосты.

Страхи и домыслы приписывали древнему тракту мистические свойства, слухи, один хлеще другого, рассказывали о беспечных путниках, чьи души навек заточены в черном материале покрытых непонятным орнаментом плит.

Раньше Глеб никогда не заходил так далеко к югу. Пустошей боялись, и не зря. Граничащие с ними луга постепенно выжигало зноем и пеплом, который приносил горячий ветер. Растительность скудела год от года, а случайно забредшие сюда животные погибали. Однажды в соседней деревне пастух не доглядел за скотиной и несколько коров, брэнча колокольчиками, ушли по логрианской дороге.

Парень бросился вслед, нагнал, но назад так и не вернулся. Крестьяне издали видели взметнувшиеся к небу фонтаны пламени, и все. Ни человека, ни скотины, лишь пепел развеяло по ветру.

Мысли, пробежав по кругу, вновь и вновь возвращались к важному, но безответному вопросу.

Насекомоподобные существа никогда не захватывали пленных, ведь они могли вырастить в своих инкубаторах сколько угодно рабочих особей, которыми легко управлять.

Так зачем же им вдруг понадобились люди? Ради чего они пересекли опасные пространства пустошей? Неужели ради сотни крестьян?

Бессмысленно, но факт.

Глеб остановился, переводя дух.

Впереди виднелся обрыв. Выше лежал участок наклонного плато, изрезанный трещинами, из которых истекали сотни дымов. Логрианская дорога вела себя странно. Она плавно изгибалась вдоль скал, – черная лента протянулась примерно на середине высоты тектонического сброса, словно образующие ее плиты на самом деле могли анализировать окружающую обстановку и каким-то образом перестраиваться, – сейчас они заняли наиболее безопасное для путников положение. Дымы, окутавшие плато, наверняка ядовиты. Ну а ниже, у основания обрыва, лениво пузырится вязкая лава, и лишь на уровне дороги сильный ветер создавал прослойку относительно чистого воздуха, по крайней мере так виделось со стороны.

Присматриваясь, Глеб заметил вдалеке едва различимое движение и вскинул «АРГ-8», прицел к оптическому прицелу.

Точки, похожие на букашек, резко укрупнились.

Догнал!

Люди брели понуро, нестройно, едва передвигая ноги на жаре. Многие закрывали лица лоскутами ткани, оторванной от одежды, поддерживали друг друга, чтобы не упасть. Пропыленные, измученные долгим пешим переходом они смотрели под ноги, не поднимая головы.

Во главе колонны ползла бионическая машина. Вдоль края пропасти растянулись фокарсиане, – зной они переносили спокойно, двигались быстро, не выказывая признаков усталости.

Зрение Глеба на секунду затуманилось. Он много слышал о насекомоподобных существах, но впервые видел их воочию. Ашанги – боевые особи, отдаленно смахивали на людей, передвигались на двух ногах, но по необходимости (он протер слезящиеся глаза и снова прицелился к прицелу), могли резво семенить на четырех лапах, преодолевая наиболее рискованные участки пути.

Значит и по скалам они лезут без затруднений, – мелькнула мысль.

В эти мгновенья Глеб испытал сильнейшее эмоциональное потрясение. Усталость как рукой сняло. Мышцы охватила лихорадочная дрожь, не имеющая ничего общего со страхом. Фигура фокарсианина влипла в паутину прицельной сетки, палец юноши машинально продавил бугорок аппаратного зумма.

Они не носили одежды или экипировки. Броней ашангам служили пластины хитинового панциря, между которыми (в определенные моменты движения) появлялись небольшие зазоры, обнажая бледную плоть дыхательных трубок. Двадцать пульсирующих отверстий образовывали косые линии, расходящиеся от живота, по груди, к плечам. Каждая дыхательная трубка служила в том числе и оружием, выстреливающим острые иглы, смоченные сильнейшим нейротоксином.

Боевые особи обладали способностью к высшей нервной деятельности, то есть, разумом. В отличие от рабочих они воспринимали факт собственного бытия и отдавали осознанный отчет каждому совершенному действию.

Детали облика и общие сведения о фокарсианах, когда-то почерпнутые из заметок Урмана, вмиг обрели материальность, воплотились в образе опаснейших существ, созданных природой с единственной целью – эффективно выживать и убивать...

Глаза слезились от напряжения. Данные в узлах координатной сетки отсутствовали, баллистический процессор так и не удалось активировать, но и без вычислений понятно, – для точной стрельбы далековато. Надо поспешить, сократить дистанцию и действовать по ситуации, пока не наступил вечер.

Он закрыл пылезащитную крышку прицела, закинул оружие за спину и снова побежал, стараясь не сбиваться с дыхания.

До заката оставалось четыре часа.

* * *

Логрианская дорога резко поворачивала, огибая выветренные утесы скал.

После долгого бега першило в горле, нестерпимо хотелось пить. Стоило остановиться, как резко навалилась усталость, которую уже не сбивало сильнейшее нервное напряжение.

С уступа, куда вскарабкался Глеб, ему открылся неплохой сектор обстрела.

Отсюда колонна была похожа на змею, оставляющую сминаемый порывистым ветром пыльный шлейф.

«Метров двести до нее», – он жадно пил, соображая, как действовать, не замечая, как сзади, уже на пройденном участке пути, вдруг шевельнулись камни.

Двое фокарсиан издали заметили погоню, намеренно отстали от колонны и затаились среди каменных осыпей, которых на этом отрезке дороги хватало с избытком.

Глеб допил воду.

Один из ашангов тем временем ловко и бесшумно взобрался наверх, – его силуэт, мимикрирующий под серую поверхность скал, появился за спиной юноши.

С сильным выдохом разрядился бионический автомат, раздался drobный перестук.

Большинство игл не смогли пробить экипировку, но, из-за отсутствия шлема, одна из них распоролa скулу, а вторая глубоко вонзилась в шею.

Глеб невольно вскрикнул от боли и неожиданности, резко развернулся, одной рукой машинально выдернув иглу, а другой выхватил из набедренной кобуры пистолет системы Ганса Гервета.

Ашанга отшвырнуло на пару метров. Выстрелы пробили ему голову и грудь, – фокарсианский боец несколько раз дернулся, оставляя след слизи и крови на пыльных камнях и затих.

Глеб пошатнулся, зажимая рукой рану на шее. Дыхание вдруг участилось, в груди возникла нестерпимая боль, казалось сердце сейчас остановится. Руки не слушались, ноги начали подкашиваться. Нейротоксин действовал стремительно, не оставляя никаких шансов.

«Отвоевался... Проморгал засаду... Глупо и обидно...» – разорванные мысли кружили в угасающем сознании.

Кибстек отчаянно попискивал, ощутимо сжимая запястье, но Глеб уже не понимал, что и зачем надо делать. Его рассудок затуманился, проваливаясь в багряную мглу.

Второй фокарсианин замер у подножия скалы. Внезапная гибель напарника внушила ему тревогу. Человека должно было мгновенно парализовать, а он вопреки ожиданиям успел выхватить оружие. Придется вскарабкаться наверх, проверить, почему этот хомо оказался таким живучим, а заодно добить его, если понадобится.

* * *

Резко кружилась голова. На зубах скрипела пыль. Кто-то устроил шумную возню, пытаясь содрать с него экипировку.

Пред глазами все плыло, предметы теряли резкость очертаний. Какая-то тварь навалилась на него, неумело царапая замки, не понимая, как их открыть, чтобы завладеть броней.

Глеб уже не мог сопротивляться. Он понял, что умирает. Антидота нет. Бездонное сиреневое небо над головой стремительно тускнело, ненадолго прояснившееся сознание вновь угасало, и от этого вдруг стало так страшно, тоскливо, одиноко, что чувство безысходности последних секунд жизни внезапно придало сил.

Он со стоном пошевелился.

Ашанг молниеносно отпрянул.

Рука юноши потянулась к валяющемуся в пыли «Гервету», дрожащие пальцы сомкнулись на пистолетной рукоятке, но поднять оружие он не смог. Нейротоксин парализовал мышцы.

На брюхе фокарсианина раздвинулись пластины природного панциря, четко обозначив два ряда отверстий. Сейчас добьет...

Кибстек отчаянно вибрировал. Его внутренняя поверхность, покрытая множеством микродатчиков, считывала жизненные показатели Глеба. Биомониторинг фиксировал критическое состояние организма, но у юноши не было стандартного височного импланта, отсутствовала прямая нейронная связь с периферией, – он не мог отдавать мысленные приказы устройствам, которыми обладал.

Фокарсианин тем временем передумал стрелять, подобрался ближе. Человек умирал и на него не стоило тратить запас игл.

Глеб уже не шевелился. Из уголка его рта стекала тягучая струйка слюны. Глаза затянуло мертвенной поволокой.

Замок экипировки наконец поддался, и ашанг довольно засопел, приподняв наплечник.

Все шло к неизбежной развязке. Так считал фокарсианин. Ни он, ни потерявший сознание юноша не принимали в расчет такое понятие, как «автоматика», но прежний владелец аспирианских устройств явно разбирался в древних технологиях, и не раз бывал на волосок от гибели, иначе как объяснить наличие в системе наноконпа самописной программы, обладающей функцией автозапуска?

Ашанг отстегнул наплечник. Трофейная броня ценилась высоко. Ее образчики попадались крайне редко.

Он не обратил внимания на крохотную искру индикации. Кибстек установил беспроводную связь с внешними устройствами, на его крохотном встроенном дисплее появилась надпись:

Функция «исцеление» – активировано.

Аспирианские метаболические шунты пришли в движение, скользнули под экипировкой, впились в грудь человека, и начали стремительно удлиняться.

Глеб ошибался. Антидот был. Его источник сейчас сосредоточенно сопел, сдирая второй наплечник.

Острые наконечники аспирианских устройств, действуя под управлением кустарной программы, ударили молниеносно и безжалостно, с легкостью пробili хитин, пронзили плоть ашанга.

Фокарсианин дернулся, попытался отскочить, но два плавно изогнутых металлизированных шунта держали крепко. Покрывающие их чешуйки взъерошились, не давая жалам выскользнуть из ран.

Ашанг забился в конвульсиях. У насекомого, даже учитывая его феноменальную живучесть, не было никаких шансов. Древние устройства стремительно высасывали его жизнь, поставляя в кровь Глеба антитоксин и некоторые совместимые с человеческим метаболизмом, питательные вещества.

* * *

Сумерки упали резко. Небеса темнели, – закат в Первом Мире скоротечен. Не верилось, что прошло всего несколько минут с момента нападения.

Глеб со стоном привстал на четвереньки и его тут же вырвало желчью.

Трупы ашангов валялись поблизости, смердя токсинами.

Он подобрал «Гервет», сунул его назад, в набедренную кобуру, пошатываясь, сделал несколько шагов. Сошки стрелкового комплекса царапнули о камень.

Колонна еще не успела скрыться за поворотом. Действовать надо сейчас.

Глеб принял к оптическому прицелу. Руки дрожат, навык снайперской стрельбы еще не выработался, сноровки и выдержки явно не хватает.

Голова вновь резко закружилась, зрение на миг затуманилось. Сообщения, выведенные на крошечный экран кибстека, двоились, читались с трудом:

Нарушение химического состава крови.

Опасная концентрация чужеродных органических соединений.

Метаболический корректор – отсутствует.

Требуется неотложная помощь специалиста.

Где ж его взять? Знания давно утрачены. Все приходится делать методом «научного тыка», наугад на собственный страх и риск, не соизмеряя и не предполагая последствий.

Колонна сейчас уйдет за поворот...

Автоматическая аптечка, найденная среди руин блокпоста, щелкнула анализаторами, когда он скovyрнул защитный колпачок и прижал ее торцом к предплечью. Глубоко вонзились иглы, – несколько инъекторов сработали одновременно.

Мышцы онемели, затем их охватил жар, а буквально через миг – потливая дрожь непроизвольных сокращений.

Зрение вновь улучшилось.

Произведена боевая стимуляция организма.

Сглотнув вязкую слюну, он снова припал к оптическому прицелу. Позиция для стрельбы все еще годная.

Колонну возглавляла бионическая машина. Фокарсиане выращивали свою технику, потому и смогли получить господство на просторах Первого Мира. Живые механизмы не подвержены сбоям, как кибернетические системы, используемые людьми. Им не вредит излучение гиперкосмоса...

Короткая очередь вспорола тишину. Машина, похожая на исполинского жука, дернулась, конвульсивно приподняв передние сегменты хитинового «корпуса». У бионики тоже есть свои недостатки. Органический механизм обладает нервной системой, а значит – подвержен рефлексам. Вероятно, фокарсианам удалось купировать боль, потому что многосекционный «жук» истекая сукровицей из полученных ран, вновь пополз по дороге, стремясь как можно быстрее уйти за поворот.

Глеб взял прицел пониже, плавно выжал спуск. Магазин был снаряжен по всем правилам, патроны в нем чередовались: обычный, бронебойный, разрывной, зажигательный.

Бионическая машина вздыбилась, хитин не устоял под пулями, борт вспороло, нанося смертельные раны.

Люди бросились врассыпную, кто куда, благо ширина логрианской дороги позволяла. Ашанги, моментально определив позицию стрелка, повернули назад, занимая ближайшие доступные укрытия.

Глеб огрызнулся несколькими очередями и отполз чуть назад.

Метель смоченных нейротоксином игл окатила скалы. Острый запах смертельного яда поплыл в воздухе. Шелест не прекращался ни на секунду, фокарсианские боевые особи использовали обычную для них тактику, – штурмовая группа ринулась вперед, остальные остались на позициях, прикрывая их, не давая Глебу приподнять головы.

Он понимал, что ашанги без проблем вскарабкаются на скалы, и не надеялся справиться в одиночку. Серьезно повредив головную машину, Глеб остановил колонну, тревожащим огнем привлёк внимание, создал угрозу, и тем самым отделил пленников от конвоиров, – сработал более или менее грамотно, но теперь его жизнь напрямую зависела от поведения других людей.

Рискнут ли они напасть на фокарсиан?

А куда ж деваться? Дорога хоть и широкая, но с одной стороны ее ограничивают отвесные скалы, с другой – пропасть. Бежать-то, по сути, некуда, и большинство пленников, еще находясь под властью внезапных событий, схватились за оружие, – в ход пошло все, что попало под руку. Ашангов, засевших в укрытиях, убивали жестоко и незамысловато. Хватали острые, увесистые обломки камней и, подскочив сзади, проламывали хитин. Пленников оказалось около сотни. Фокарсиан вдвое меньше, но они быстро пришли в себя, организовали отпор. Вновь сипло зачастили бионические автоматы, то тут то там люди падали, прошитые иглами, корчились в пыли, отравленные нейротоксином.

Глеб улучил момент, резко привстал, короткими очередями перебил взбиравшихся по скале ашангов, затем перенес огонь дальше, туда, где в поисках спасения метались люди.

Измотанный преследованием, отравленный чужими метаболитами, он держался лишь за счет своего упрямства, – выцеливал фокарсиан, бил одиночными, стараясь не задеть людей.

Бой вскипел с невиданным ожесточением. Вчерашние крестьяне, силой разлученные с семьями, дрались отчаянно, не на жизнь, а на смерть.

Бионическая машина внезапно развернулась, неприцельно прыснула крупнокалиберными иглами, сметая своих и чужих. Над древней логрианской дорогой эхом дребанились крики

умирающих, кто-то визжал, кто-то полз, пытаясь найти спасение, горстка уцелевших ашангов резво отступила за скалы.

Глеб резанул по ним длинной очередью, добивая остаток боекомплекта. Пустой магазин звякнул о камень, полетел вниз. На его место со щелчком встал полный.

Ашанги уже не в счет. Корчатся в лужах розовой сукровицы. Несколько пленников, искавших укрытие, случайно наткнулись на них, сгоряча принялись добивать камнями, не обращая внимания на облако нейротоксина, которое рефлекторно испустили раненные фокарсиане.

Как назло, ветер к вечеру стих. Смерд плыл в знойном мареве, – глаза слезились, в горле першило. Иглы с глухим стуком секли по скалам, – бионическая машина продолжала бесноваться, впав в неуправляемую ярость.

Дорога фактически опустела. Повсюду вповалку – живые и мертвые. Уцелевшие прячутся за павшими, но и они обречены, ведь вскоре концентрация нейротоксина достигнет смертельного уровня.

Глеб прополз между камнями, меняя позицию, пока отчетливо не увидел борт фокарсианской машины. «Теперь точно не промахнусь», – палец сдвинул вариатор темпа стрельбы в положение «форсированная очередь».

* * *

Над логрианской дорогой повисла тяжелая тишина, в которой слышались лишь слабые стоны раненых. Выжившие (их набралось десятка три не больше) пытались оказать хоть какую-то первую помощь, но люди продолжали умирать в судорогах.

Глеб брел, пошатываясь, едва передвигая ноги. На него поглядывали с опаской, молча сторонились. Полосы слизи, пятна крови, ошметья разорванной выстрелом плоти, – все смердело токсином.

– Оттаскивайте раненых подальше, вниз по дороге, там воздух чище, – с усилием выдавил он.

Его послушались, дело пошло. Раны, причиненные иглами, заживут. С отравлением человеческого организм тоже может справиться, если доза токсина невелика. У многих еще был шанс.

В этот миг он увидел Настю. Девушка лежала у края обрыва. Ее глаза были закрыты, бледное лицо искажено агонией.

Подбежав к ней, Глеб рухнул на колени, приподнял голову и понял, – мертва.

Нет!.. Нет!.. Неет!..

Он едва ли отдавал отчет своим действиям. Из под наплечника легкой тиберианской брони показался метаболический шунт, изогнулся, будто живой, глянцевито блеснул.

– Ох, парень, спрячь от греха, забьют тебя, если увидят, – раздался поблизости чей-то сиплый шепот.

Он даже не обернулся. Рассудок Глеба помутился от горя. Безвольное тело, валяющееся в пыли, скрюченные пальцы, судорожно сжавшие горсть гравия в предсмертном усилии, – это было невыносимо.

– Настя, держись! Только держись!

– Она умерла. Ты ничего не сделаешь.

– Отвали! – огрызнулся Глеб, отстегивая наплечник.

Второй шунт глянцевито изогнулся, заставив незнакомого мужика, пытавшегося давать советы, в страхе отшатнуться.

Вокруг опасно собирались выжившие, но Глеб ни на кого не обращал внимания.

Аспирианское устройство впилося в запястье девушки, соединив два организма. Опыта в запредельных способах реанимации и врачевания у Глеба не было, оставалось полагаться лишь на автоматику.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем Глеб почувствовал, как резко теряет силы. У него закружилась голова, сознание «поплыло», мышцы ослабели, зато тело Насти вдруг конвульсивно выгнулось и снова обмякло, но щеки уже слегка порозовели, а из груди вырвался слабый вздох.

– Ожила!

Глеба мутило. Шунт высасывал его жизнь. Ничего, справлюсь... Как-нибудь справлюсь.

Веки Насти дрогнули. Взгляд был мутным, она едва ли понимала, что происходит.

Плотно окружившая их толпа невольно попятилась. Люди реагировали по-разному. Кто-то молчал, кто-то подобрал и сжал в побелевших пальцах подвернувшийся под руку камень, другие перешептывались:

– Он нелюдь...

– Ага, рассказывали про таких... – подхватил щупленький мужичонка. – Жизнь высасывают из скота, а бывает и людей губят.

– Думалось, все они сгинули давно.

– Да это же тиберианец, по одежонке разве не видишь?

– Нелюдь он. Вурдалак из леса!..

– Заткнись пока... Ща всем миром решим, что с ним делать...

Настя уже немного пришла в себя, по крайней мере она узнала Глеба и смогла понять происходящее.

Глаза девушки расширились от ужаса, когда она попыталась приподнять руку и увидела тускло отблескивающую металлическими чешуйками змею, впившуюся в ее вены.

– Не бойся. Уже все. Сейчас, – Глеб осторожно выдернул наконечник шунта из запястья девушки, бережно зажал ранку чистой тряпицей. – Я успел... Ты выживешь, – шептал он, а Настя вдруг инстинктивно начала отползать, взвизгнув:

– Не прикасайся ко мне!.. Да помогите же кто-нибудь!..

– Настя, это же я, Глеб!

– Не трогай меня!

Его грубо схватили за плечо. Перепуганные люди смотрели на Глеба с ужасом, но пока не решались напасть.

– Слышь, парень, шел бы ты своей дорогой. Видишь, девчонка тебе не рада.

– Не твое дело!

– Нет, наше!

– Да я ей жизнь вернул! – обида и боль сжали сердце.

– Уходи поздорову, – пожилой крестьянин оттеснил Глеба в сторону, и добавил тихо, но веско: – Парень, ты, видать, совсем рехнулся? Разве можно прилюдно инопланетные приبلуды использовать? Был у нас в деревушке лекарь с похожей вещицей.

– И что?! – с вызовом спросил Глеб.

– Забили мы его насмерть. Как коровы началидохнуть, так и забили.

– Да вы все рехнулись! Это просто устройство! Я же вам жизни спас!

– Кому-то спас. А кого-то погубил, – крестьянин взглядом указал на дорогу, сплошь заваленную мертвыми телами.

– А фокарсиане вас бы не тронули?

– А кто ж его знает? В полон вели, – это точно. Зачем – непонятно. Ты нас освободил, – низкий поклон. Девчушка оклемается, может со временем что-то поймет и оценит. Но не сейчас. Уж поверь, пожил я достаточно, видал всякое. Так что лучше иди. Иди от греха. Назад мы дорогу сами найдем, не заблудимся.

Глеба мутило. Мысли путались. Он снова перехватил взгляд Насти, но прочел в нем лишь глубочайший, отталкивающий ужас.

В душе что-то надломилось. Пришла сухая, отчетливая мысль: «назад в деревню мне теперь хода нет. Добрые дела никогда не остаются безнаказанными».

Стало горько. Очень горько, обидно и одиноко.

– Свидимся... – он отпустил ее взгляд, закинул за спину «АРГ-8» и, не оглядываясь, пошел вверх по логрианской дороге, мимо разорванных тел ашангов, подбитой бионической машины, навстречу одиночеству, неизвестности, судьбе...

Никто не попытался его догнать или остановить.

Глава 3

Первый мир. Пустоши...

Сразу за поворотом черные плиты круто забирали вверх.

Обида душила похуже чем дым извержений, от которого постоянно першило в горле, а на глаза наворачивались слезы.

Глеб упрямо шагал по древней дороге, но вскоре злость немного отпустила, беспокойство пересилило, и он оглянулся.

Большинство освобожденных пленников нестройной группой уже брели назад. Они шли, поддерживая друг друга. Используя оптику, Глеб отыскал Настю. Гримаса ужаса придавала осунувшемуся лицу девушки отталкивающее выражение. Нескоро она забудет мучительную агонию, последние секунды жизни и страшное возрождение. А если и сможет забыть, так другие напомнят. Станут коситься, опасаться, перешептываться за спиной.

Страх человеческий, порожденный невежеством, если б он только отталкивал, но нет – убивает.

Несколько крестьян задержались на месте недавней схватки. Они не проявили ни капли милосердия к побежденным. Тяжело раненных ашангов мстительно сбрасывали в пропасть, одобрительными выкриками сопровождая возникновение очередного факела, в который превращался фокарсианин, – враги сгорали заживо, ведь на дне разлома, источая жар, текла вязкая лава.

Вот так жизнь разделилась на «до» и «после».

В деревню сейчас возвращаться бессмысленно. Дед Скайл погиб, а больше у него никого не осталось. Уговаривать сельчан бросить дома и идти через Гиблый Лес к Белым Скалам – пустое занятие. Они напуганы до смерти и не станут слушать.

Но что же мне теперь делать? – тяжело задумался Глеб.

Время до Смещения еще есть. Пусть улягутся пересуды, отгорит страх.

И куда пойду? – он мрачно осмотрелся. Древняя дорога черной лентой карабкалась вверх и вдаль. А вот по ней и пойду. Посмотрю, нет ли за пустошами хороших земель?

Он достал из подсумка фрагмент карты. Черные Скалы (отмеченные на ней непонятным значком), располагались километрах в двадцати пяти к югу. Отсюда их не видно из-за множества дымов, поднимающихся над плоскогорьем.

Интересно, там тоже был опорный пункт тиберианцев? Еще одна цитадель?

Пока он размышлял, окончательно стемнело. В бездонных антрацитовых небесах, образуя дугу, проявились бледные лики планет Ожерелья. Они давали мало света. С наступлением темноты багрянец лавовых рек, пузырящихся на дне тектонических разломов, затопил округу.

После короткого отдыха свинцовая усталость немного отпустила. Мучила жажда. Вода во фляге почти закончилась, – бросившись в погоню за фокарсианами, Глеб не успел пополнить запас, а здесь, среди медленно остывающих после дневного зноя скал, вряд ли отыщется родник или ручеек.

Делать нечего. Надо идти.

Слегка подташнивало, но не от голода (мысль о еде вызывала отвращение). Он выжил, но неизвестно, какую цену заплатил организм за использование инопланетных устройств?

Шаг от шага Глеб пытался вернуть самообладание, восстановить душевное равновесие, но получалось плохо. Тяжелые мысли ворочались в голове. Жизнь резко ушла на излом. Юношеские мечты о странствиях и приключениях уже не казались такими манящими. Он шел в абсолютную неизвестность.

Вскоре логрианская дорога вскарабкалась на плоскогорье. Теперь отсветы подземного огня прорывались из ветвистых трещин. Горячий, напоенный дымом воздух обжигал легкие.

Пришлось истратить последние глотки воды, оставшиеся на дне фляги, – Глеб смочил тряпицу и дышал через нее.

Места вокруг простирались абсолютно безжизненные. Куда ни глянь, – повсюду серые скалы, отсветы извержений, да кружащий в воздухе пепел.

Несмотря на усталость он упрямо шел вперед, понимая, – останавливаться нельзя. Здесь не найдешь места для ночлега.

А силы стремительно таяли. Измотанный долгой погоней и последующей схваткой Глеб уже едва передвигал ноги. Плоскогорье казалось бесконечным. Изредка, освещая окрестности, из трещин в скалах вырывались языки пламени.

Чувствуя, что вот-вот рухнет и уже не сможет встать, Глеб, тяжело дыша, остановился, привалился к скале, достал из подсумка автоматическую аптечку, прижал ее блоком анализаторов к своей шее.

Раздалось пощелкивание, затем тревожный писк.

Глаза слезились от дыма, он с трудом прочитал надпись, появившуюся на встроенном экране нанокомпа:

Запас необходимых препаратов исчерпан.

Голова кружилась все ощутимее, резче. Сказывались последствия отравления нейротоксином.

Надо было возвращаться в деревню. Наплевать на косые взгляды и пересуды. Ведь от обиды пошел дальше в пустоши, тут теперь и останусь... – подумал он.

На что способен человек перед лицом смерти?

Глеб никогда не задавался подобными вопросами. Прежний уклад жизни просто не понимал подобных дилемм.

Тряпица уже высохла и больше не задерживала частицы гари.

Дрожащим пальцем он коснулся сенсора кибстека, активируя самописную программу, управляющую древними устройствами.

Появилась надпись:

Выберите нужную функцию.

...

Он коснулся пиктограммы «Восполнение».

Аспирианские метаболические шунты шевельнулись под экипировкой, вновь впились в грудь, а их заостренные наконечники выпростались наружу, раздвинув сегменты брони.

Отчаянный, но, наверное, бессмысленный шаг. Здесь нет никого. Даже обычной ящерицы не сыщешь. Все живое сторонится пустошей, – это факт.

На самом деле Глеб ошибался. Его представления о природе Первого Мира и разнообразии видов живых существ ограничивались однотипными личными наблюдениями сельского парня. Однако, базы данных кибстека содержали внушительные объемы необходимой информации, а аспирианские устройства и подавно. Те, кто их изобрел, канули во тьму веков, но знания загадочных существ никуда не делись, сохранились в системе.

Цена вопроса выживания на самом деле была смещена в область психологической устойчивости Глеба, – он испытал страх и беспокойство, когда шунты перехватили инициативу, начали подергиваться, жалами указывая направление.

Чего же они хотят? Чтобы я сошел с логрианской дороги?!

Ага. Я что совсем спятил? Черные плиты хоть как-то защищают от жара недр, то тут, то там хаотично прорывающегося из расселин в скалах. Углубляться в пустошь – совершенное безумие, – думал Глеб, но шунты упрямо и ритмично подергивались, вытягиваясь в определенном направлении, словно просили: «иди туда»!..

В общем-то терять было нечего, и он сошел с дороги.

Под ногами – острый гравий. Почвы тут отродясь не бывало. Вокруг только камень, нет ни единой травинки, даже обугленной или высушенной. Казалось само понятие «жизнь» чуждо этим местам.

Едкий дым высачивался из трещин горной породы. Более широкие и глубокие расселины истекали маревом раскаленного воздуха. Сердце невольно замирало, когда приходилось их перешагивать.

Эта ночь уже не забудется никогда. Аспирианские шунты напряженно подрагивали, словно приплюсывались к чему-то и снова начинали вытягиваться, увлекая Глеба все дальше и дальше от дороги.

Наконец он остановился. В углублении, похожем на воронку от взрыва, тускло отблескивала мертвая вода. Над ней курился пар, остро пахло серой. Изредка со дна поднимались зловонные пузыри.

По краям небольшого, отравленного продуктами извержений водоема скопилась какая-то слизь.

Глеб уже плохо соображал. Он чувствовал, как аспирианские устройства сжали грудь. От бессилия он медленно опустился на колени, склонил голову, думая: «вот они, последние минуты жизни»...

Шунты вдруг начали удлиняться, потянулись в разные стороны. Один из них погрузил наконечник под воду, второй впился в наросты слизи, жадно всасывая налет, образовавшийся по краям каменной чаши.

Глеба мутило от отвращения. Он бы вскочил и побежал прочь, но тело изменило ему, сил уже совершенно не осталось.

Неподалеку из-под земли вырвался огненный гейзер, озарил округу.

Тошнота постепенно отступала. Зрение вдруг начало проясняться. В горле по-прежнему першило, но мучительная жажда стала терпимой.

Аспирианские устройства поглощали колонии простейших организмов, способных выжить и даже процветать среди вулканической деятельности. Древним устройствам было совершенно все равно, как воспринимает такой процесс их обладатель. Они выполняли предначертанную функцию, путем биохимических реакций восполняя силы Глеба, поставляя в его организм допустимые для человека питательные вещества.

* * *

Он очнулся спустя много часов.

Логрианская дорога темной лентой извивалась меж серых скал. Пасмурное небо роняло скупые капли дождя, – они быстро испарялись, соприкасаясь с нагретыми камнями.

Глеб со стоном пошевелился. Мышцы онемели от долгой неподвижности и едва слушались. Судя по показаниям кибстека он пробыл без сознания больше суток.

Ночные события воспринимались, как сюрреалистический сон. «Возможно так и было? Я ведь совершенно не помню, как вернулся к логрианской дороге. Может, просто упал без сил и провалился тут в кошмарном бреду, пока организм окончательно не справился с нейротоксином?!»

Мысль удобная во всех смыслах. Она давала шанс забыть о поглощении мерзкой студенистой слизи. Глеб понял, что не готов так жить. Внезапные события последних дней беспощадно сминали психику, нашептывая: если пойдешь дальше, – смирись. Среди пустошей тебе не выжить без инопланетных устройств. Вскоре совсем озвереешь, потеряешь человеческий облик, уподобишься диким животным, жрущим всякую падаль, лишь бы не сдохнуть...

Аспирианские шунты шевельнулись под экипировкой, нагоняя еще больше страха и сомнений.

А что такое «человеческий облик»? – мысль, совсем не присущая подростку, больно зацепила за живое, потянула за собой цепочку не очень-то приятных воспоминаний. Иногда в их деревню забредали чужие. Изможденные и, по большинству, не опасные.

Никто не понимал их речь, но жесты, молящие о помощи, трудно истолковать двояко.

Глеб знал небольшой овраг за околицей, где сейчас белеют кости случайных пришельцев. Никто из них не получил глотка воды или шанса как-то проявить себя. Их убивали «на всякий случай», из въедливого передаваемого от поколения к поколению страха. Лишь мурглы прижились, по простой причине – великаны пришли в деревню целым семейством, и никто из крестьян не решился напасть на них, – оробели. А те оказались сговорчивыми и не злобными.

Так что же такое «человеческий облик»?

В эти минуты Глеб здорово разозлился на самого себя. И так на душе погано, а тут еще и эти вопросы дурацкие...

Пытаясь унять внутреннее смятение, он вернулся на логрианскую дорогу, дошел до ближайшего взгорка и принялся осматриваться, все еще не решив, возвращаться ли назад или идти дальше?

Порывистый ветер сминал шлейфы дыма. Сквозь рваное эфемерное кружево то и дело проступали особенности окрестного ландшафта. Оказывается прошлой ночью он все же пересек плоскогорье, – неподалеку виднелась кромка обрыва. Черные плиты, следуя своей загадочной природе, образовывали плавный спуск, висели в горячем воздухе без видимой опоры.

Внезапно Глеб увидел Черные Скалы. Ошибиться невозможно. Это были именно они, – остроконечные пики, совсем не похожие на творения природы, вонзались в бледно-фиолетовые полуденные небеса, поднимались так высоко, что некоторые дождевые облака цеплялись за их вершины.

Глеб бегом преодолел с десятков метров, отделяющих его от обрыва, и снова замер, до глубины души потрясенный открывшейся взгляду картиной.

Черные Скалы были похожи на исполинский, но явно не человеческий город! У основания титанической постройки плавал туман и виднелась зелень. Скорее всего там простиралось неглубокое болото. Отдельные пики конического сооружения, имевшего множество уровней, были отломлены и валялись внизу. С запада таинственный город выглядел оплавленным, словно его материал исказился, как пластик, под воздействием высоких температур. Глеб мог судить об этом с достаточной долей уверенности, ведь пластмассовые изделия не редкость в Первом Море. Их обломки попадались на полях так же часто, как и куски металла. Еще мальчишкой он иногда забавлялся, поджигая куски пластмассы, заворуженно глядя, как плавится твердый материал, срываясь огненными каплями...

Все тяжелые мысли моментально улетучились. Далеко внизу виделась зелень, – значит там найдется чистая вода и нормальная еда. Глеба снова охватил азарт исследователя, и он, уже не терзаясь сомнениями, пошел в направлении Черных Скал, благо логрианская дорога (в силу своих уникальных свойств), образовывала безопасный спуск.

* * *

Идти пришлось долго. Черные Скалы располагались километрах в пятнадцати от края плоскогорья, в низине. Большое видится на расстоянии, вот уж точнее не скажешь. По мере спуска воздух становился чище, а общее восприятие монументальной постройки начало распадаться на отдельные детали, и вскоре Глеб заметил нечто совершенно удивительное!

У подножия загадочного черного города, среди туманной дымки болотных испарений в выбитом при падении кратере лежал разломившийся на несколько частей космический корабль! Его длина составляла не меньше километра, корпус бугрился очертаниями множе-

ства надстроек. Кое-где темнели выбитые внутренними взрывами люки. Судя по некоторым деталям облика, космический странник вполне мог принадлежать людям!

Неожиданное открытие придало Глебу сил. Предчувствия, догадки теснились в голове. Он вновь ощутил себя первооткрывателем. Каким же маленьким, ограниченным был его прежний мирок!..

Примерно на середине пути, незадолго до вечера, он остановился, позволив себе передохнуть. Самый опасный и ненадежный участок логрианской дороги пройден. Древние технологии казались непостижимыми, внушали скорее опаску, чем доверие. Непонятно, что за сила поддерживала плиты в воздухе, формируя из них плавный, пересекающий пропасть спуск?

Заметив первые отроги невысоких, сглаженных временем известняковых скал, он вздохнул с облегчением.

Воды и еды у Глеба не осталось, но чувство голода давно притупилось, а жажду он терпел. Еще несколько километров и напьюсь вдоволь.

Он присел на пыльной обочине, осматривая кратер в оптический прицел.

Густая сочная зелень древесных крон скрывала основание загадочного черного города. В том, что это искусственно созданное сооружение, а не случайная игра природных сил, Глеб убедился, заметив множество террас, площадок и фрагменты ранее соединявших их дорог, расположенные на разных высотах. Если следовать понятным юноше аналогиям, Черные Скалы больше всего напоминали исполинский термитник, – однажды в детстве ему приходилось видеть постройки пустынных муравьев, обитающих на краю бесплодных земель.

Быть может это город фокарсиан? – промелькнула неприятная, холодящая душу догадка. Не сюда ли вели пленников?

Подберусь ближе, узнаю точно, – подумал он, переключив внимание на космический корабль.

Похоже, от техногенного объекта остался лишь корпус. Сквозь пробоины проросли деревья, – верный признак давнего запустения.

Незаметно подкрались сумерки и Глеб, немного передохнув, прибавил шаг. При других обстоятельствах он бы предпочел заночевать на логрианской дороге, но жажда мучила все сильнее. Хотелось поскорее добраться до низин, где вдоволь воды.

Темнело.

Далеко внизу под пологом лиственного леса внезапно пробилося неяркое, приглушенное сияние. Свет не резал глаза, он казался призрачным и загадочным, плавно перетекающим вдоль поверхности земли, не имеющим определенного источника.

События последних дней научили Глеба осторожности. Светящаяся субстанция могла оказаться чем угодно. Например каким-нибудь хищным туманом, подстерегающим беспечного путника...

Он шел почти до полуночи, пока логрианская дорога не влилась в небольшое ущелье.

Дальше простиралась заболоченная котловина, – настоящий оазис, созданный природой среди пустошей.

Едва передвигая ноги, Глеб преодолел и этот отрезок пути. Скалы наконец-то расступились. Впереди виднелись стволы деревьев, светящаяся мгла извивалась между ними, конденсируясь под тенистыми кронами, создавая таинственное пространство.

Поблизости отчетливо журчала вода, и он, измученный жаждой, пошел на звук. От логрианской дороги в разные стороны отходило с десятков троп. Наверняка их проложили обитающие тут звери, значит загадочный город давно покинут, как и фрагменты потерпевшего крушение корабля.

Родник бил из скал, сбегал по камням каскадом небольших ручейков.

Ни один из страхов Глеба пока не оправдался, впрочем как и робкие надежды. Он вдоволь напился, наполнил флягу, затем долго сидел у источника, вслушиваясь в звуки ночной жизни.

В отличие от Гиблого Леса, здесь стояла относительная тишина. Где-то неподалеку вязко пузырилась топь, время от времени ветерок приносил с той стороны неприятные запахи. Вместо рычания хищников и криков их жертв тут слышались совершенно иные звуки. Помимо шелеста листвы и журчания воды, слух тревожил монотонный гул, словно в чаще работали некие механизмы?

Неопределенность давила на психику. Утолив жажду, он вновь почувствовал острый голод. Надо бы осмотреться. Лучше всего вернуться на логрианскую дорогу, чем плутать по заболоченным чащобам.

В тусклом свете текущего под кронами тумана Глеб заметил полуистлевший фокарсианский инкубатор. Плохой признак. Поблизости вполне могут таиться ашанги!

Непонятно, кто проложил тропы? И откуда исходит монотонный гул? Явно не со стороны Черных Скал, его источник где-то левее.

В ту сторону вело широкое ответвление дороги, вымощенное отнюдь не логрианскими плитами, – ровное твердое покрытие выглядело как серая лента, кое-где припорошенная прошлогодней листвой.

Глеб свернул, и вскоре увидел два бронепластиковых бастиона, погнутый шлагбаум между ними, и пластиковый щит со схемой. Ниже читалась надпись:

Лагерь третьей археологической экспедиции. Организатор: Элианский институт всеобщей истории Обитаемых Миров.

Внимание, объект находится под охраной гарнизона Конфедерации Солнц. Вход на территорию только для сотрудников.

Глеб прошел чуть дальше. Одноэтажные строения образовывали поселок, но все они пострадали при крушении космического корабля. Однако, это произошло очень давно: деревья успели вырасти повсюду.

Наконец ему повезло. Среди строений он увидел планетарную машину. Вездеход врос в землю, в лобовом скате брони зияла пробоина, – кабину управления разворотило взрывом, но грузовой отсек, похоже, не пострадал.

Точно! Кормовой люк на месте. Замки взломаны, – кто-то уже похозяйничал внутри, но все равно это отличное убежище на ночь!

Глеб не просто устал, – он был изможден, доведен до крайности лишениями последних дней. Используя найденную поблизости железку, действуя ей как рычагом, он отжал приоткрытый люк, забрался внутрь боевой машины, включил кибстек, снова используя нанокомп, как своего рода фонарик.

Следов пожара нет. Здесь явно побывали мародеры. Неизвестные унесли груз, но не позарились на НЗ.

Ножом подцепив край облицовочной панели, Глеб снял ее с фиксаторов и увидел закрепленные в нише комплекты выживания. Устройство типовых вездеходов подробно рассматривалось в «наставлении по подготовке тиберианцев» и он точно знал, где расположены скрытые отсеки с неприкосновенным запасом.

При виде еды рассудок юноши помутился. Словно оголодавший зверь он разорвал пластиковую упаковку и впился зубами в брикет пищевого концентрата, – тот мог храниться веками, не теряя свойств.

Глеб ел жадно, запивая сухую, чуть солоноватую массу большими глотками воды из фляги.

Утолив голод, он почувствовал неодолимую слабость и решил устраиваться на ночлег.

«Утром осмотрюсь, выясню, что это за место...»

* * *

Его разбудил бубнящий голос.

Юноша вздрогнул, проснулся, машинально схватился за оружие.

Фрайг... – спину обдало холодным потом. На улице уже занялось утро, сквозь щель приоткрытого люка проникали лучики света, а внутри отсека стоял призрак!

– Помоги мне... Помоги мне... Помоги мне... – повторял он, глядя на Глеба.

– Кто ты такой?!

– Райбек... Райбек Дениэл...

– Ты – ненастоящий! – Глеб не впервые видел призраков, знал, насколько они опасны, но этот не пытался напасть, да и выглядел странно. Слишком уж детализировано. Энергоматрицы недавно погибших существ обычно сохраняют лишь общие черты оригинала.

– Логр поврежден... Утечка памяти... Помоги мне...

Слушая его глухое бормотание Глеб взял себя в руки, присмотрелся.

Да это же голограмма! И генерирует ее маленькое сферическое устройство, едва заметное в окружающем сиянии.

– Ты аватар?

– Я человек. Известный археолог.

– Работал здесь? – ему сразу вспомнился указатель, расположенный подле пропускного пункта. – Что ты знаешь о Черных Скалах?

– Не понимаю тебя...

– Ну, высоченные черные пики поблизости!

Усмешка исказила черты аватара.

– Ты невежда. Это город насекомых. Насекомоподобных существ, понимаешь?

– Фокарсиан?

– Нет. Фокарсиане – другая цивилизация. Инсекты насчитывают миллионы лет истории.

А эти появились недавно, – речь Райбека стала связной, словно он преодолел какой-то сбой. – Если бы я успел остановить Смещение, они б вообще не вторглись в Первый Мир...

– Ты можешь остановить Смещения? – неподдельно удивился Глеб. – Да, ладно, не ври!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.